

НАШИ • ТАМ

МОРСКОЙ ВОЛК

БОРИС ЦАРЕГОРОДЦЕВ
ВРЕМЯ
БОЛЬШИХ ПОБЕД

Морской волк

Борис Царегородцев
Время больших побед

«Центрполиграф»

2013

Царегородцев Б. А.

Время больших побед / Б. А. Царегородцев — «Центрполиграф»,
2013 — (Морской волк)

Атомная подводная лодка К-119 «Морской волк» почти на треть в обновленном составе вновь вышла в боевой поход. Перед ее командиром капитаном Лазаревым стоит задача сорвать переброску немецких войск. Выполняя это задание вместе с кораблями Северного флота, он разбивает самую мощную эскадру кригсмарине. При этом специалисты подлодки внедряют новые образцы боевой техники. И наконец-то товарищ Сталин познакомится с подводником из будущего.

© Царегородцев Б. А., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	30
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Борис Царегородцев

Время больших побед

Глава 1

Март, 1943 год

Прошел всего один месяц после того, как отгремели две грандиозные битвы этой войны. Одна на юге – от Волги до Северского Донца и от Ростова до Курска. Вторая, на центральном участке советско-германского фронта, на территории между Ржевом, Вязьмой и Смоленском. В верховьях рек Днепр, Угра, Десна. После этих боев на фронтах наступило затишье перед новыми грандиозными сражениями, которые должны произойти в скором времени. Нет, на фронте не совсем затишье, бои, как их тут называют, «бои местного значения», идут ежедневно. Это у нас тишина, ну просто санаторий. Никакой стрельбы и тем более бомбежек, правда, за все это время пару раз немецкие воздушные разведчики попытались пролететь над нашей базой и проверить, что тут находится. Но с нашей-то аппаратурой они сразу же были обнаружены еще на дальних подступах к базе. Вылетавшие на перехват дежурные истребители их быстренько отвадили появляться в районе базы без разрешения. Только эти два перехвата в общем-то и скрасили унылую жизнь летчикам-истребителям, до этого скучавшим без дела. Полеты у них очень редки, разве что с целью не утратить навыки. Зато какая экономия бензина.

Правда, не все летчики били баклуши да отлеживали бока в бараке на нарах, кое-кто выполнял вполне конкретную работу. Среди счастливых летчики с пары МБР-2, им приходилось почти ежедневно вылетать на разведку и патрулирование своего района в море. Экипажи с тральщиков и катеров также занимались дозорной службой, каждый день выходя в море.

Вот и мы, подобно нашим летчикам-истребителям, стоим у пирса, а в море не выходим. Уже третий месяц в этой чертовой дыре. Да сколько же еще тут нам ржаветь, лодка практически боеготовая, а нас все держат и держат. Точно так же когда-то и в нашей реальности подлодки по многу месяцев стояли в базе, не выходя в море. И меня это наше стояние понемногу начало раздражать. Хотя вполне конкретная работа у нас была. Готовим себе смену, и не только себе. Мы готовим будущее советского атомного подводного флота. Потому-то нашу подводную лодку временно перевели в разряд так называемых учебных. Как нам и обещали в декабре, когда засовывали в эту дыру, прислать еще людей для обучения – прислали. Ровно через три недели прибыло пополнение в составе двухсот курсантов. Их собирали по всем институтам и профильным предприятиям. Разыскали кое-кого из специалистов и бывших студентов старших курсов даже на фронте, ушедших добровольцами или в народное ополчение еще в первые месяцы войны и после почти двух лет кошмара оставшихся в живых.

Двести человек да плюс первый набор, а это почти три экипажа для подводных лодок. Половина нашего экипажа перепрофилировалась в учителя и теперь, пока лодка стояла без дела, занималась с курсантами. Наша задача – подготовить будущих специалистов для экипажей атомарин, которые обязательно в скором времени будут строиться на наших верфях.

Но пока основные занятия с курсантами мы проводим на судне, которое специально подготовили для этой цели, и на берегу, где под учебный центр переоборудовали барак.

Курсанты появились у нас на борту на третий день после прибытия. Вначале они получили краткое представление о том, что могут быть большие и очень большие подводные лодки, например как наша. Они тоже могут погружаться и ходить под водой, несмотря на такие большие размеры. И что вот эта подводная лодка, что стоит у импровизированного пирса, экспе-

риментальная, а значит, секретная. Все приборы и механизмы там в единственном числе, а значит, опять-таки секретные. Вот потому-то их и набрали. Так как для обслуживания всего того, что находится внутри лодки, нужны не просто вчерашние рабочие и колхозники, а специалисты и инженеры. Именно их выбрали для этой цели и собрали здесь.

Все, что им было позволено знать, мы рассказали. Держался в секрете только принцип работы главного энергетического источника да чем была на самом деле вооружена подводная лодка помимо торпед. Курсанты немало удивлялись, осматривая субмарину снаружи. А как они реагировали, когда мы показали ее изнутри! Тут словами не передать. Они прониклись, с чем на самом деле им придется столкнуться во время службы на такой или подобной подлодке. А чтобы попасть на такую подлодку, им надо очень хорошо постараться. И они старались, но не всем хватало знаний середины двадцатого века разобраться в технике конца двадцатого – начала двадцать первого века.

Первый месяц наши подопечные проходили только теорию на берегу и на учебном судне, а на лодку ни-ни. А теперь на нашей лодке не протолкнуться, столько порой в нее набивается народу для практических занятий, что Большаков со своими бойцами сходит с ума. У него и так народу осталось мало, он кроме тех двоих, что в Москву послал, и своего зама отправил к Сапожникову. Там создали группу наподобие нашего современного спецназа, вот он их и натаскивает. Пришлось мне своих ребят выделять, да и новоиспеченным учителям наказал, чтобы приглядывали за своими курсантами, не дай бог кому-нибудь из них залезть куда не положено. Собственно, в жизни самого экипажа за это время ничего не произошло, за исключением того, что мы заняты подготовкой подводников, которые должны заменить ушедших на Большую землю наших специалистов. Сейчас наши попаданцы задействованы во многих институтах и предприятиях, где создается новое оружие, техника, приборы и инструменты, внедряются новые технологии. Все это делается с опережением исторического хода на десятилетия. Вот и мы опережаем ход истории более чем на десять лет, готовя специалистов для атомного флота.

Кое-какие изменения в нашей размеренной жизни на этой базе произошли во второй половине марта. Все началось 18 марта 1943 года. Петрович, как это обычно у нас бывало, зашел ко мне в каюту. Доложил о состоянии дел на подводной лодке, и наш разговор плавно перетек на повседневные дела.

– Петрович, как дела у наших курсантов?

– Да что тут говорить, парни смышленные, это все же не вчерашние колхозники, а будущие инженеры, техники, и даже есть несколько дипломированных инженеров. Еще месяца три-четыре поднатаскать, и некоторых из них можно допускать к самостоятельному несению вахты на нашей подлодке. Так что, командир, нас всех скоро здесь заменят на этих. – Он кивнул в сторону стоящего неподалеку судна с курсантами.

– Ты, Петрович, всю жизнь собирался провести на подводной лодке? Сам понимаешь, рано или поздно мы с тобой все равно оказались бы на берегу.

– Да, но лучше как можно позже.

– Нет, Петрович, нас еще рано списывать, без нас здесь пока не обойдутся. А вот лет через десять точно спишут и отправят обучать молодое поколение подводников. Опыт мы уже приобретаем, обучая этих ребят.

– Дай-то Бог, дай-то Бог, что нас пошлют только учить, а не пилить или копать.

– Нет, Петрович. Если ты думаешь в таком разрезе, то нас не пилить или копать пошлют, а сразу к стенке поставят, чтобы ненароком еще кто-то не прознал, что ожидает этот мир в целом и эту страну в частности.

– А мы уже внесли в него изменения и своими победами, и тем, что наши товарищи, которые сейчас где-то разбросаны по стране, помогают решить некоторые технические вопросы,

которые помогут в укреплении обороноспособности СССР. И все это приблизит День Победы, да хотя бы даже на один день, и этот день будет нашей победой.

– Возможно, Петрович, мы приблизим эту победу и не на один день, а гораздо больше. Но я надеюсь, что эти все изменения повлияют на те события, после которых наша страна не развалится, а останется такой же великой, какой мы помним с тобой.

– Товарищ командир, воздушная цель, удаление восемьдесят километров, высота два с половиной, скорость двести двадцать. Идет с юга курсом на базу, – поступило сообщение из центрального, от вахтенного.

– Базу оповестили о самолете?

– Так точно, все предупреждены. Истребители подняты в воздух.

– Что думаешь по этому поводу, командир?

– Полагаю, если это не воздушная разведка гансов, значит, у нас гости. Петрович, пойдем встречать.

По дороге к взлетной полосе мы прихватили с собой Андрея Витальевича с его бойцом. Правда, пока добрались, самолет уже приземлился и уступал место на поле садящейся следом за ним дежурной паре истребителей. Кое-кто из пассажиров уже выбрался из самолета, прохаживался рядом, наблюдая за выгрузкой груза, что привезли с собой. На военных была новая форма, которую ввели после Нового года, но до нашего захоластья она еще не добралась. Были и трое в гражданской одежде, я заметил Яковлева, который в декабре отбыл в Москву.

«Интересно, кого это еще принесло на нашу голову», – мелькнуло у меня в голове. И тут я заметил знакомую фигуру, хотя и закрадывались сомнения, так как человек стоял спиной ко мне, кроме того, смущали погоны с тремя звездами на его шинели.

Он повернулся, и я невольно воскликнул:

– Сан Саныч! Чертяка! Ты ли это? Сколько не виделись!

Мы крепко обнялись, похлопывая друг друга по спине. Когда мы отлипли друг от друга, я снова глянул на его погоны.

– Я смотрю, ты уже своего командира догнал. За какие заслуги тебя так щедро наградили? Или ты женился на маршальской родственнице? Глядя на тебя, можно подумать, что ты только в гости? Давай рассказывай, кто это с тобой и кто эти штатские?

– А это ты у полковника Кочеткова спроси, он тебе все и расскажет.

– У кого? У полковника, говоришь. Только три месяца назад был майором, а теперь полковник, а если перевести на общеармейское звание, получается, он теперь генерал-лейтенант. Да, быстро в Москве звания раздают. Ты был капитаном третьего ранга, а прилетел уже капетангом. Кочетков – майором, стал полковником.

– Это после переаттестации он стал полковником.

– А я уж, грешным делом, подумал, он так высоко взлетел и нам теперь с ним за одним столом не посидеть. А где он сам?

– Да где-то там, в самолете с лейтенантом Смоленцевым выгрузкой руководит.

Потом Сан Саныч обнимался с Петровичем, пожимал руку Большакову.

– Сан Саныч, ты тут упомянул о моем Серее, так он что, все время с тобой?

– Да со мной он, со мной. Сейчас появится.

Наконец последний ящик выгружен на землю. Из чрева самолета вначале спустились двое из охраны базы, за ним показался полковник Кочетков, сияя новенькими погонами и звездами на них. Следом Смоленцев в новенькой шинели с лейтенантскими погонами, потом наш доктор, сияющий, как золотой рубль.

Я подошел к Кочеткову и не преминул подколоть его:

– Здравия желаю, товарищ полковник, с приездом на наш северный курорт. И кого это вы привезли в наш санаторий? – Указал на десяток ящиков: – Это что, все их багаж?

– Что-то вам весело, товарищ капитан первого ранга.

Ого! Видимо, он не принял моей шутки, раз так официально осадил. Надо осторожнее. А то получится так, как намекал сегодня Петрович, – не быть мне учителем, пошлют золотишко мыть али лес валить. Эти мрачные мысли я пропустил мимо, переключившись на нашего доктора и Смоленцева.

– Товарищ капитан первого ранга, ваше приказание выполнил, доставил капитана первого ранга Головина в целости и сохранности, – браво отрапортовал Смоленцев.

Тут подступил наш доктор с улыбкой на все лицо. «Ну все, сейчас начнет хохмить», – подумал я.

– Товарищ командир, я услышал, как вы говорили полковнику о курорте, но я не вижу тут девочек в бикини, и что-то загорающего народа на пляже также не видеть. А где наш санаторный комплекс с видом на ласковое море и молоденькие медсестрички? Я им тут гостинца привез из столицы. – И указал на один из ящичков. – А это тебе, Князь, к нашей царице Клавдии Ивановне, бери свои подарки, и вон видишь бунгало, – показываю на один из барачков, – там в одном из залов находятся апартаменты, кого тебе надо.

– А сколько лет этому небесному созданию?

– Ну! Князь, разве принято у женщины узнавать возраст, женщина в любом возрасте прекрасна. Слушай, не подкажешь, кого это Кочетков привез, или это военная тайна?

– Какая тайна. Ученых всяких собрали, кто занимается ядерными исследованиями.

– Тогда понятно, почему он такой недовольный. Посуди сам, что начнется после того, как ученые увидят в деле работу ядерного реактора. И как после этого не допустить утечки информации? Приставить к каждому ученому персональную охрану или всех собрать в одном месте за десятиметровым забором с десятью рядами колючки, и пушай они там строят свой реактор? А ведь примерно так и будет.

– Товарищ полковник, – снова обращаюсь к Кочеткову, – я понял, почему вы не в духе, это все из-за них. Вас, как куратора, обязали привести сюда ученых и показать рабочий реактор. И вас же предупредили об ответственности в случае утечки секретной информации.

– Да, к вам прикомандирована группа ученых-физиков и пара инженеров, они глянут на реактор, им надо понять принцип работы, чтобы в кратчайшие сроки построить свой.

– Понятно. Значит, работы по созданию ядрён батона идут полным ходом?

– Да, кое-что продвигается, а после того, как они тут посмотрят вживую, не на картинках и схемах, дело пойдет быстрее.

– А кого сюда направили? Кто это?

– Пойдем, познакомишься, хотя ты и так должен их знать.

Мы подошли к группе прибывших. Кто-то из них был в военной форме, кто-то в гражданской.

– Прошу, знакомьтесь, – начал Кочетков, – капитан первого ранга Лазарев Михаил Петрович, командир атомной подводной лодки, на которой вам предстоит постигать принцип работы реактора.

Первым протянул руку мужчина средних лет и представился:

– Харитон Юлий Борисович, физик.

И далее.

– Бочвар Андрей Анатольевич, металлург.

– Панасюк Игорь, физик.

– Дубовский Борис Григорьевич, физик.

Да, о некоторых я много слышал в нашем времени, там была еще пара инженеров, о которых я ничего и никогда не слышал.

– Когда нам рассказали, – заговорил Харитон, – в ведомстве НКВД, что где-то на севере находится ядерный реактор да еще в рабочем состоянии, мы в это не могли поверить. Кто и как мог его построить, когда все физики-ядерщики на виду и наперечет. А вот когда нам раскрыли

тайну вашего появления, опять не слишком в это поверили, да кто в здравом уме в это сразу может поверить, но сомнения закрались. Потом приехал к нам в Казань Яковлев и нам поведал, откуда он, а главное – доказал. Тут мы настояли на разрешении ознакомиться с устройством и принципом работы реактора.

– Ну что ж, прошу тогда к нам на подлодку, покажем вам наше сердце.

К самолету подогнали олени упряжки, на которые погрузили ящики, и мы направились в сторону стоянки подлодки. Всю эту процессию охраняло десятка полтора бойцов из охраны базы. Только наш доктор пошел в другом направлении, на встречу с Ивановной, которая выполняла на базе обязанности доктора.

По дороге я задал новый вопрос Кочеткову:

– Товарищ полковник, а все же, как у наших ученых продвигаются дела, по идее они должны опережать американцев в этом проекте?

Кочетков посмотрел на меня, наверное, подумал, можно мне говорить или нет, но потом, очевидно вспомнив, откуда именно мы прибыли сюда и что тайны из этого для нас никакой нет, заговорил:

– Да, немного опережаем. Как и в вашем будущем, все производство перевели на Урал, уже заложили в Верхнем Нейвинском завод по обогащению урана-235. В этом году начнем строительство первого промышленного реактора в районе озера Кызыл-Таш. А на озере Иртяш уже строится городок для ученых. Мы надеемся опередить американцев и создать бомбу первыми.

(То самое место за колючей проволокой и десятиметровым забором, где будут жить и трудиться наши ученые¹.)

Я подумал про себя: «А нужна ли эта бомба в этом мире?»

Когда мы пришли, минуя несколько постов охраны, на наш импровизированный пирс и наши гости увидели подлодку, они встали как вкопанные, уставившись на то, что перед ними открылось.

Первый возглас:

– Вот это да!!! – вырвался у кого-то из ученого люда. Ну и еще пара подобных выражений. Инженер и вовсе не сдержался, вставил пару ласковых на могучем русском. Что интересно, из уст ученых не вылетело ни одного матерного слова, сразу видно – интеллигенция. Хотя, возможно, они в процессе работы ругаются.

– Прошу подняться на борт подводной лодки К-119 «Морской волк», прошу любить и жаловать.

Потом всех обустроили, багаж загрузили, инструктаж провели. А далее – экскурсия по лодке, после чего наши ученые тут же уединились с Яковлевым поблизости от реакторного отсека. Мы же – я, Кочетков, Сан Саныч, Петрович, Григорыч – направились в кают-компанию.

– Товарищ полковник, а кроме головной боли в виде ученых вы нам какие новости привезли? – спрашиваю Кочеткова.

– Все новости у капитана первого ранга Головина.

– А правда, Сан Саныч, колись, за что на тебя такая благодать свалилась, мы послали тебя в Москву с одной звездочкой, а заявился ты сюда уже с тремя.

– Да как вам сказать, я сейчас числюсь кем-то вроде консультанта при Лаврентии Павловиче ну и всего генералитета, а чтобы они прислушивались и не косились на мою звездочку, мне и добавили еще парочку, полковника, значит. На полковника они не так болезненно реагируют, как на майора.

¹ Это город Озёрск, в советское время Челябинск-40. (Здесь и далее без отдельных указаний примеч. авт.)

После того как наши гости снимали с себя шинели, мы втроем чуть ли не синхронно свистнули, увидев на груди у них россыпь новеньких орденов и медалей.

– Это ж по какому случаю тебя так разукрасили, сияешь, как новогодняя елка, – развел я руками.

На груди моего теперь уже бывшего штурмана красовались орден Ленина и орден Нахимова.

– Саньч, откуда у тебя Нахимов, если мне не изменяет память, он появился в 44-м году.

– Это в нашем времени он и другие ордена появились в 44-м, а я тут немного подсуетился, и новые ордена и медали появились уже сейчас. Даже орден Победы вышел в этом году, им уже наградили кое-кого, знаешь, кто получил его за номером один.

– Ну, раз его учредили в этом году, то по праву его должен получить Василевский или Рокоссовский за Сталинград, потом Ерёменко с Ватутиным.

– Да, ты прав, под номером один получил Василевский, второй достался Рокоссовскому по политическим причинам, третьим, как и в нашей РИ, награжден Сталин, потом Ерёменко, Ватутин, Конев и Пуркаев, а Жукову в этот раз не досталось. Насчет морских наград я поддержал Кузнецова. Общевойсковые есть, а морских нет, как-то нечестно по отношению к морякам. Так меня товарищ Сталин после того, как я поддержал адмирала Кузнецова, пожурил. И знаешь, что он сказал? Я понимаю вас, товарищ Головин, почему вы так печетесь о моряках, потому что сам моряк. А раз так, то тогда надо и для летчиков что-то ввести. А то и они обижаются будут.

– Ну и как, придумал что-нибудь?

– Насчет военно-морских наград сам знаешь, их не пришлось заново придумывать, они были все в компе. А вот для летунов там у меня всего одна медаль Нестерова была, пришлось еще пару орденов придумывать. С 20 января этого года вышел указ о введении новых наград. Да не завидуйте мне, у товарища полковника наградные листы и указы на присвоение новых званий и награждение личного состава орденами и медалями. Весь экипаж повышается на одну ступень, и каждый получит свою награду. Так что опять будет большой сабантуй.

– Мне бы вместо этих сабантуев и наград выйти еще разик в море.

– Будет тебе и сабантуй, и выход в море.

– А ну давай, Сан Саньч, выкладывай, не томи, что за новости привез, ты ведь не просто так тут появился, что-то наверняка намечается.

– Да, командир, и вам отводится не последняя роль в этом деле.

– Что, решились-таки провести операцию против частей 20-й горной армии генерала Эдуарда Дитля? Рассчитываете отрезать часть немецких войск, расположенных в районе Петсамо – Киркенес, в особенности их 19-й горный корпус?

– Да. Через Архангельск и Кандалакшу начали перебрасывать войска для пополнения 14-й и 19-й армий, но большинство пополнения пойдет в район Мурманска, это не просто войска, а, можно сказать, элита. Гвардейцы что надо, ни одного необстрелянного, все побывали в боях и имеют награды. Вооружены почти все автоматическим оружием, а кто пойдет в десанте, то у них только автоматы, винтовки только у снайперов, это сделано специально для усиления огневого воздействия на противника. Они также первыми получили гранатометы и другие новинки. Кроме того, на Кольский полуостров перебрасываются авиационные части на новеньких самолетах Ту-2, По-3 и Як-9. Еще сюда перебросили целый полк на Як-9д, этот истребитель только что прошел испытание и предназначен специально для сопровождения бомбардировщиков над морем и охраны кораблей вдали от баз.

– И сколько войск выделяется на это дело?

– Более ста тысяч, из них двадцать тысяч непосредственно десант, который мы намерены высадить в районе Киркенеса.

– Да, это сила. И когда планируется сие предприятие?

– В конце апреля – начале мая, надо их по возможности скрытно перебросить под Мурманск. А ты знаешь, как работает разведка у немцев, они обязательно узнают и могут подготовиться. Начнут перебрасывать подкрепления, усиливать оборону. Тут и придет твой черед. Выйдешь в море на их коммуникации вместе с подлодками Виноградова. Будешь, как и раньше, наводить их на конвои, чтобы не допустить переброску подкреплений. И вот еще что, после начала операции будь готов ударить по основным точкам сопротивления «Гранитами». А если немцы надумают помочь своим и пошлют флот против десанта, тогда наша лодка и понадобится для перехвата боевых кораблей. Может, тебе и улыбнется удача в виде «Тирпица». А для того чтобы он высунул свой нос, мы разрабатываем еще одну операцию.

– Неужели выходим в море? Стоп, а как же быть с этими учеными, нам что, их с собой в поход брать?

– Нет, они за это время уже уберутся назад. У тебя останется Яковлев на время операции, потом его снова заберут, и, по всей видимости, навсегда. Так что неделю, максимум дней десять вы тут еще простоице. Бойко вас обеспечил всем необходимым для нормальной работы РДУ?

– Да, теперь можно снова выходить в дальний поход, а вернее, в долгий, так как нам дальше тысячи миль и ходить незачем. А вот надолго куда-нибудь к Альт-фьорду, караулить «Тирпиц», теперь, пожалуй, мы можем. Главное сейчас, чтобы Бурый и компания быстрее торпеды нам сварганили. Тогда мы бы погуляли по морским просторам да дали бы фрицам прорваться. А так придется довольствоваться местными изделиями, хотя у нас есть в записке кое-что, на «Тирпиц» должно хватить да на пару эскортных, кто его сопровождать будет наверняка. А тут еще недавно «Шарнхорст» пришел на север. Хотел я его прищучить, Головки не разрешил выйти в море на перехват.

– Правильно сделал, что не дал согласие, вы же не знали, придет он сюда или останется на Балтике или в другом месте. Ведь этот мир уже изменился.

– Да, точно мы не знали, когда он тут появится, в нашей реальности он 9 марта прибыл, а в этой 12 марта пробрался в Нарвик. Немцы скрытно это дело провернули. Весь переход кораблей прошел в полном радиомолчании. Они перехитрили всех, догадались, что их коды читают, оставили свои радиостанции и радистов на Балтике, а корабль перегнали сюда. Что корабль стоит в Нарвике, мы узнали от англичан, а те от норвежского Сопротивления. Для них это тоже была неожиданность. Теперь у них опять кое-где заиграло. Еще бы, такая мощная эскадра собралась в Нарвике – «Тирпиц», «Шарнхорст» и «Адмирал Хиппер» (в этой реальности новогоднего боя не было, и корабль остался целым и не убыл на ремонт в Германию, как в РИ), еще «Нюрнберг» да с десятком эсминцев. Теперь англичане наверняка забьются по щелям, боясь высунуть свой нос в море. Снова подумывают, а не попридержать ли нам перевозки военных грузов для России. Отправлять их не конвоями, а только одиночными судами. Только за это «Шарнхорст» надо было топить, а теперь у англов хорошая отмазка появилась. Вот увидите, как они запоют, лишь бы только не посылать нам конвой.

– Верно мыслишь, командир, – включился Григорьич, – эти хитромудрые островитяне вполне могут выкинуть такой фортель, опять начнут ссылаться на тень «Тирпица» над океаном, а там скоро и полярный день настанет. Надо товарищу Молотову подсказать, по дипломатическим каналам надавить, чтобы не было перебоев по ленд-лизу.

– Подождите! – воскликнул Сан Саныч. – Я вспомнил, так нам и так в 43-м с марта по ноябрь ни одного конвоя не было послано.

– Как так ни одного, это за восемь-то месяцев ни одного конвоя, а договоренности о поставках по ленд-лизу? – возмутился Кочетков.

– Товарищ полковник, вы не хуже меня знаете, все это время мы получали грузы по ленд-лизу не только через северные порты, но и через Иран и Дальний Восток. И в нашей истории за всю войну по этому северному маршруту мы получили только двадцать два процента, а более семидесяти процентов всех грузов прошло через Иран и Дальний Восток. А тут в скором вре-

мни может что-то измениться. Дней через десять «Морской волк» выходит в море на охоту. Может, фортуна все же улыбнется тебе, командир, и ты встретишь «Тирпиц» или его младшего товарища. Знаю тебя, ты обязательно постараешься потопить «Тирпиц». После этого англичанам некого будет бояться. Им тогда ничего не остается, как проводить конвои через наш север.

Глава 2

Поход

После почти четырехмесячного стояния в богом забытом месте, где война лишь изредка вспоминалась пролетом немецких разведчиков, и то на почтительном расстоянии от этой базы, выходами на патрулирование базирующихся вместе с нами пары морских охотников и бывших рыболовов, ныне боевых кораблей, наша РЛС² – служба раннего оповещения свернула работу. Вот и все достижения этой базы.

Наконец-то наше заточение закончилось, мы снова в море. Какое это непередаваемое чувство – находиться в боевом походе. Возможно, мы вышли бы и раньше, но не могли. У нас ведь не обычная лодка, а атомная, стояли мы тут не по своей прихоти, а вынужденно. Боекомплект почти закончился, а самое главное – у нас подошел к полной выработке ресурс установок жизнеобеспечения, без которого мы не подводная лодка, а ныряющая, попробовали бы вы на такой выходить в море. Потому-то мы стоим тут в ожидании, когда наладят производство по изготовлению поглотителей углекислоты. Да и отдых нужен был экипажу после почти четырехмесячного боевого похода. Правда, если бы экипаж эти четыре месяца отдыхал в домашней обстановке, вопросов не возникло. Но четыре месяца у черта на куличках, впереди студеное море, позади тундра на много сотен километров. В таких условиях нам бы на отдых хватило и месяца, и то бы были волками. Спасибо Головки, хоть какую-то работу подбросил – обучать курсантов, будущих подводников атомного подводного флота СССР. А если бы не это, то точно были бы волками или дезертировали на фронт.

И вот этот день настал. Боезапас погружен, установки жизнеобеспечения работают, боевая задача поставлена. Мы вышли в боевой поход.

Как и в предыдущие выходы, с нами для координации действий с другими подлодками отправился представитель Северного флота, на этот раз – капитан второго ранга Августинovich Михаил Петрович. В состав первой волны на коммуникации противника с нами пошли пять подводных лодок.

Совсем недавно Северный флот пополнился пришедшими с Тихоокеанского флота шестью подлодками С-51, С-54, С-55 и С-56, Л-15 и Л-16, которые, пройдя по двум океанам и девяти морям более 16 700 морских миль, вошли в состав флота. Все это произошло с одним маленьким отступлением от РИ, в этом мире Л-16 благополучно дошла до места назначения, так как все командиры были проинформированы о большой вероятности встречи с японскими субмаринами. Их акустики получили приказ постоянно быть начеку и вести себя так, будто они находятся внутри вражеской эскадры. Сам переход был согласован с американской стороной так, что они встретили наши подводные лодки в определенном районе и проводили их под охраной до Панамского канала³. С нами в поход вышли две тихоокеанские подлодки С-51 и С-56, наши старые знакомые Щ-403 и Щ-422. Кроме того, с нами должны были взаимодействовать две «Катюши» – К-1 и К-22, которые вышли на неделю раньше, но с К-22 мы так и не смогли связаться, по всей видимости, она погибла. Все пять подлодок заняли позиции от мыса Нордкин до мыса Нордкап в ожидании кораблей и судов противника. На позиции в Варангер-фьорде находились еще две «Малютки» – М-122 и М-172, для пресечения выхода транспортов из этого фьорда. Кроме представителя флота, с нами пошел и Сапожников, после переаттестации он стал майором (и на хрен он нам тут нужен), и двадцать курсантов самых подготовленных еще из первого набора, пополнив поредевший экипаж.

² Радиолокационная станция. (Примеч. ред.)

³ В РИ подводная лодка Л-16 была потоплена японской подлодкой I-25 возле берегов Америки.

Мы двигались медленно на перископной глубине в пятнадцати милях от побережья Норвегии, выставив антенну обзорной РЛС, наблюдая за обстановкой и сканируя все радиочастоты.

– Уже неделю в море, и ни одного конвоя, только какая-то мелочь, – возмутился Августинович.

– А вы что хотели, капитан второго ранга, выйти пошалить, дескать, давай, фриц, посылай под наши торпеды больше судов. Немцы, похоже, засекли выход некоторых подлодок на позиции и теперь придерживают суда в портах. Но мы дождемся, они все равно зашевелятся, если пронюхают о подготовке к наступлению.

За эту неделю отличилась только С-56, командир капитан-лейтенант Щедрин, – потопив БДБ в четыреста тонн, переоборудованную под плавучую батарею (2 × 88 мм, 1 × 37 мм, 4 × 20 мм), под охраной двух противолодочных китобойцев. После потопления китобойцы тут же повернули назад, даже не подумав спасти выживших. Это так не похоже на немцев. За полгода, после того как мы подсказали Виноградову, что надо топить всё, а не только транспорты, немцы потеряли немало эскортных кораблей, видимо, эти предпочли просто драпануть, чем попасть под торпеды русской подлодки, хотя, возможно, тут англичанка охотится. Да какая разница, русские или англичане, на базе все же спокойнее.

И вот однажды наше терпение было вознаграждено.

– Тащ капитан первого ранга, – раздался возглас оператора РЛС, – обнаружены три воздушные цели, дальность шестьдесят две мили, высота две тысячи, скорость двести, идут с запада курсом на восток вдоль побережья.

– Продолжить наблюдения за воздушной обстановкой. На ГАКе, что слышно?

– Пока ничего не слышно, но здесь много островков.

– Предупредить подлодки о самолетах. Выпустить низкочастотную антенну, отходим чуть мористей, создаем больший обзор для нее.

Через сорок минут на удалении пяти миль от нас курсом на восток пролетел первый самолет – летающая лодка BV-138. Затем с десятиминутным интервалом между самолетами еще два HE-115 – воздушная разведка крупного конвоя. В их задачу входил поиск подводных лодок с последующей атакой или наводкой на них кораблей эскорта. Прошло примерно полчаса после пролета самолетов, как на ГАКе засекли многочисленные шумы надводных кораблей.

– Удаление пятьдесят миль, скорость восемь узлов, курсом на восток, – поступил доклад.

– Боевая тревога, передать на остальные подлодки, с запада движется крупный конвой.

– Михаил Петрович, давай посмотрим, кто у нас первым выходит на перехват.

– К-1, капитан третьего ранга Стариков, – ответил Августинович, глянув на планшет с оперативной обстановкой, – потом С-51 капитана третьего ранга Кучеренко.

– Передать на К-1 и С-51 координаты, курс и скорости конвоя.

– Я вот что хочу сказать, капитан третьего ранга, Стариков до этого похода командовал «Малюткой» М-171, а это его первый боевой поход в качестве командира такой большой подлодки. Справится ли он с ней? Хотя он опытный командир и не раз выходил на вражеские коммуникации, не просто же так его грудь украшает звездочка, которую он получил год назад.

– У вас есть сомнения по поводу его командных способностей?

– Нет, я думаю, он справится.

– Вот и отлично.

– Дима! Мамай! Курс на сближение с конвоем, обе турбины на сорок процентов, глубина восемьдесят.

Минут через сорок пришло сообщение от Старикова об обнаружении конвоя в составе трех транспортов и не менее десятка кораблей охранения.

– Да не такой он и крупный, – проговорил я с досадой.

В охране было три самолета, будто в конвое два десятка судов, они-то нас и попутали. Через полчаса после сообщения Старикова наша акустическая система зафиксировала два взрыва, а потом серию подводных взрывов.

– Похоже, Стариков кого-то все же достал, если немцы бомбят, – высказал предположение Петрович.

– Теперь лишь бы его не достали, – ответил Августинович.

Не достали. Стариков оторвался от преследования, да немцы долго им и не занимались, надо было охранять конвой дальше. Все же сказалось отсутствие боевого опыта у Старикова в командовании большой подлодкой, и он допустил одну ошибку. Произвел не полный торпедный залп, выпустив лишь четыре торпеды из шести. Двумя попал в транспорт, который затонул, одна торпеда затонула, четвертая прошла рядом с еще одним судном, которое сумело отвернуть. А произведи он полный залп, по еще не так растянутому и растревоженному конвою, может, и еще в кого попал бы. Но у «Катюш» была одна плохая особенность: после залпа они не удерживались на глубине, их выбрасывало на поверхность, и они демаскировали себя появлением рубки и носовой оконечности над водой.

Следующей в атаку вышла С-51, приблизившись до мили, произвела четырехторпедный залп. Это был первый боевой поход Кучеренко и даже первая атака с пуском боевых торпед. Так что все они прошли мимо. Но немцы решили и с ним провести церемонию посвящения в клуб подводников, сбросив с десятков бомб, чем доставили всему экипажу массу приятных ощущений, так как они теперь стали членами элитного клуба, пройдя крещение.

Потом мы последовательно наводили на этот конвой Щ-403 Шуйского, С-56 Щедрина, Щ-422 Видяева. Второй раз вышел в атаку догнавший конвой Стариков и добил судно, поврежденное Щ-403. Нам все же удалось потопить все три судна из конвоя и два корабля охранения. А когда эскорт остался без своих подопечных, они всерьез занялись подлочками. Больше всего досталось К-1, ее основательно помяли. Эти лодки вообще не отличались скрытностью из-за протечек соляра, который оставлял заметный след на поверхности, а после гидравлических ударов при взрыве глубинных бомб топливные цистерны потекли ручьем. Нам пришлось вмешаться, как и прошлой осенью, мы выманили охотников на себя. Пришлось пожертвовать торпедой из «Пакета»⁴, остановив одного особо рьяного преследователя. Его взял на буксир другой корабль – минус два в погоне, – переключив остальные на себя, показав кончик перископа. Мы потаскали своих преследователей по морю, играя в кошки-мышки, дав К-1 уйти из района, а потом оторвались сами.

Когда мы уводили преследователей, немцы нас забрасывали глубинками. Майор Сапожников, побледнев, все время не спускал взгляда с подволока, ожидая, что сейчас тут образуется пробоина и вода хлынет в отсек. Это тебе не на земле находиться, тут кажется, все бомбы нацелены именно на тебя, и лишь вопрос времени, когда это случится и ты отправишься к Нептуну на прием.

– Майор! – Это опять наш приколист. – Да не дрожи ты так, а то немецкие акустики слышат морзянку твоих зубов и ломают голову, что за послание передали им русские перед своей смертью.

Майор посмотрел на Князя, оторвав глаза от притолки, переваривая сказанное доктором, а потом промолвил:

– А что, они могут попасть в нас?

– Конечно, если вы не перестанете стучать своими зубами и передавать им наши координаты.

⁴ Комплекс «Пакет-НК» предназначен для уничтожения атакующих надводный корабль торпед противоторпедами. (Примеч. ред.)

Сапожников обвел всех взглядом и, увидев, что все заняты своими обязанностями и никто не обращает внимания на доносившиеся за бортом взрывы глубинных бомб, понемногу успокоился.

– Я ведь первый раз на подводной лодке, тут не так, как на земле. Мне казалось, все бомбы предназначены нам, вот-вот попадут, и все, хана нам.

– Не стоит так бояться, наш командир не подпустит их и на пару кабельтовых, мы всегда сможем оторваться. Так что дыши спокойно, нам ничего не угрожает, это не двадцать первый век, где надо держаться от противолодочных кораблей за сотню миль.

Мы оторвались от кораблей противника, но наш отряд лишился одной лодки, ей пришлось вернуться на базу. Мы еще неделю караулили суда противника, которых все не было и не было.

* * *

Пока мы находились в ожидании противника, я вспомнил последние дни нашей стоянки перед походом.

Почти неделю на нашей подлодке находились ученые физики-ядерщики, но их восхищение нашим реактором я описывать не буду. Но скажу так: они походили на маленьких детей, которым дали новую яркую игрушку, слишком большую для них, и они радуются, а в карман ее положить не могут, вот они и крутились вокруг отсека с реактором. Они исписали горы бумаги, провели сотни разных измерений, поснимали сотни промеров, была бы возможность, они бы разобрали его на отдельные детали. Кто-то из экипажа подарил им цифровой фотоаппарат и ноут и ради такого дела научил ими пользоваться. Вот это теперь Кочеткову и его команде большущий чирей на заднице, теперь они хрен присядут, будут вокруг этих ученых круглые сутки на лапках прыгать. А как же, теперь они носители сверхсекретной информации, так ладно, если только в голове. Но теперь у них есть множество фотографий, от и до, горы разной макулатуры, исписанной ими и полученной от нас. Да и сам ноут с фотоаппаратом – это тоже сверхсекретные техизделия. Ох, как смотрел на меня Кочетков, когда он увозил своих ученых обратно. До этого он предпринял попытку изъять все это оборудование, да но не тут-то было. Харитон пригрозил наркомом, сказал, если они хотят побыстрее получить что-то наподобие вот этого (это он сказал про реактор), то вот это оборудование ни за что не отдадут, а если бояться за утечку информации, то пусть потрудятся не допустить этого. В день отлета Кочеткова прибыл Головкин, а с ним капитан второго ранга Августинович.

– Ну что, командир, застоялся? Готов выйти в море?

– Товарищ вице-адмирал! Да я веслами грести буду, лишь бы поскорей отсюда уйти.

– А чем тебе это место не нравится?

– Да всем нравится, но только издалека. Да сколько же можно стоять. Когда лодка частично была небоеспособна, тогда да, никаких вопросов, стояли и не рыпались. Но теперь-то мы полностью боеспособны и готовы в любой момент выйти в море, осталось кое-что догрузить из припасов.

– В море он рвется, а кто для будущего подводного флота подводников учить будет? Я, что ли? Я-то ни хрена не смыслю во всем этом, так что тебе еще придется немного постоять тут.

– Товарищ адмирал, у меня предложение, я кое-кого оставлю из своего экипажа. Они займутся курсантами, а со мной пойдут человек двадцать бывших курсантов, самых подготовленных.

– Ну, вот и договорились, прав оказался твой штурман в том, что ты именно это предложишь.

«Сан Саныч все-таки зараза, когда успел с адмиралом сговориться», – подумал я про себя.

– Так что готовься к выходу, завтра придет судно, доставит припасы, на все про все – двое суток. И вот еще что, с тобой пойдет капитан второго ранга Августинович для координации боевых действий с подлодками.

– А сколько пойдет с нами?

– Планируем послать шесть подлодок.

Вот хитрюга Головкин, заранее знал, что выходим в море, и этого кавторанга с собой привез, а начал тут со мной мурку водить.

– Кто-то будет уже из знакомых нам командиров? Извините, я неправильно выразился, я имел в виду тех, кто уже действовал вместе с нами?

– Только двое, а у двоих это будет первый боевой выход.

– Понятно. Значит, боевого опыта никакого. Ладно, опыт дело наживное. Если в первом походе будут выполнять то, что от них требуется, все в порядке. Надеюсь, они проинструктированы.

– Да, конечно, прошли полный инструктаж, пообщались с теми командирами, кто бывал с вами в рейдах. Не подведут. Не должны.

– Поход покажет. А все же кто это?

– Капитан третьего ранга Кучеренко и капитан-лейтенант Щедрин.

– Да, эти не подведут, я хорошо их знаю, не лично, конечно, со Щедриным даже встречался, он к нам в училище приходил, рассказывал о войне, о нелегкой службе подводника. Я его рассказы хорошо запомнил.

– Раз уверен, значит, все в порядке. Еще я для тебя приготовил одну горькую и одну сладкую пилюлю. С какой начинать?

– Обычно начинают с горькой, чтобы сладкой заесть.

– Тогда слушай, идет подготовка к освобождению района Петсамо – Киркенес, там у немцев очень мощная оборона из сильно укрепленных узлов с множеством инженерных и природных сооружений. По некоторым надо будет нанести прицельный и очень точный удар. Сможете? Если судить по тому, как вы это сделали в Киркенесе и на аэродроме, сможете. Еще надо будет уничтожить береговые батареи перед подходом кораблей с десантом, который планируется высадить прямо в порту.

– Сколько целей надо уничтожить, у нас ведь боезапас не безграничный. Максимум, что мы сможем использовать по берегу, – штук шесть ракет, не более.

– А вот к этому я и веду разговор. Тебе придется на время расстаться со своими диверсантами. Только они могут определить, куда именно надо стрелять, чтобы нанести наибольший урон узлу обороны, чтобы с наименьшими для себя потерями захватить и прорвать оборону противника.

– А с кем они там будут взаимодействовать, они что, одни по тылам пройдут?

– Нет, вместе с 181-м разведотрядом.

– Да что я тут решаю, надо с капитаном третьего ранга Большаковым на эту тему разговаривать. Но думаю, он согласится, а то он без дела зачахнет. Но парочку его ребят я оставлю себе. Кого он оставит, мне все равно. Пусть между собой жребий тянут.

– Значит, и этот вопрос надо решить до моего отлета, поскольку они должны будут отбыть со мной. А теперь сладкая пилюля. Тут мне Кочетков передал приказ о присвоении новых воинских званий экипажу подводной лодки К-119 «Морской волк». Кроме того, указ о награждении личного состава орденами и медалями. Часа хватит подготовиться к этому торжественному мероприятию?

– Так точно, товарищ адмирал.

Отдав распоряжение Петровичу насчет торжественного построения, я снова обратился к Головкину:

– Товарищ адмирал, у меня вопрос.

– И что за вопрос?

– Хотел узнать, как продвигается ремонт кораблей. Как я знаю, «Шеер» теперь носит имя «Диксон», это сделано специально, чтобы фрицы зеленели при упоминании этого имени на борту своего корабля, сдавшегося в плен.

– Что и говорить, благодаря тому, что вы его не так сильно изуродовали, ремонт продвигается вполне успешно. С последним конвоем из Америки доставили гребной винт, три спаренные 127-миллиметровые универсальные артиллерийские установки и семь спаренных 40-миллиметровых зенитных автоматов «Бофорс». Днище уже залатали, погнутый вал выправили, осталось заменить вспомогательную артиллерию на стотридцатки. Обещали до конца года ввести в строй.

– А как на эсминце работы продвигаются?

– Этот должен выйти в море летом, корму ему уже состыковали.

– Я вам рассказывал про его судьбу в нашей реальности. Он там уже четыре месяца как на дне лежит вместе с пятнадцатью членами экипажа, которые на нем оставались. Но за семьдесят лет так и не узнали, в какой именно точке. А здесь скоро снова вступит в строй и может еще не один год прослужить флоту.

На верхней палубе начал собираться личный состав, готовясь к торжественному построению. Адмирал что-то обсуждал с Кочетковым и Санычем, я не стал к ним подходить, если бы я был нужен, думаю, они пригласили меня. В другой стороне также шло обсуждение, похоже нешуточное, это я озадачил Большакова, и теперь там шел отбор кандидатов на место в самолете командующего.

Прозвучала команда строиться. Экипаж в парадной форме выстроился на палубе в ожидании.

На этот раз было чуть по-другому, а не как несколько месяцев назад. Вызывался кто-то из экипажа, зачитывался приказ о присвоении нового воинского звания, а потом указ о награждении.

И, как обычно в этих случаях, после награждения экипаж получил праздничный обед и отдых. Для некоторых этот обед был прощальным. Кое-кто улетал обратно в Москву, а иные ближе к фронту или даже за линию фронта. В тыл врага. Вначале я проводил Кочеткова с учеными и Сан Саныча.

– Ну что, Сан Саныч, когда теперь встретимся? Я понимаю, на лодку ты уже не вернешься, но нас не забывай. Хотя бы изредка появляйся или, как у нас говорят, отправь эсэмэс, если позвонить не сможешь. Надеюсь, не зазнался, находясь там, в окружении сильных мира сего.

– Командир! Петрович, мы с тобой вместе уже более пяти лет, а это не забывается. Так что мы с тобой очень скоро снова встретимся. А когда начнется операция, я буду здесь.

– Ну, тогда до встречи.

Мы снова обнялись, Саныч шепнул мне на ухо: «Ты не обижайся на то, что всех повысили в звании, а тебя нет. На тебя другой указ готовился, так что жди. Быть тебе, командир, адмиралом».

Я посмотрел на Головина удивленными глазами.

– Да-да, командир, после этого похода все должно решиться.

Следующим отбывал командующий, забирая с собой Большакова с четверкой его головорезов, улетающих на фронт. С ними долгих проводов также не было. Я только попросил их до начала совместной операции не лезть на рожон, поскольку они понадобятся во время удара по целям, я-то вслепую могу забросить ракету не туда.

Проводив дорогих гостей, мы начали готовиться к походу. «Завтра должен прибыть корабль с припасами, – подумал я, – надо вызвать Сидорчука, он знает, чего и сколько нам надо для боевого похода».

– Старший пра... младший лейтенант Сидорчук, зайдите ко мне, – вызвал я по внутренней связи нашего снабженца.

Когда Сидорчук зашел ко мне, я решил его поздравить с офицерским званием.

– Да на какой оно ляд мене, это офицерское звание, мене и так было хорошо, было три звезды на погонах, а в них, да в темном отсеке, можно принять за адмирала. А теперь одна, а это значит, разжаловали мене, товарищ командир.

– Михалыч, ты это что, от Князя инфекцию подхватил. Еще один Данилец объявился на подлодке. Юморист, блин. Давай, Михалыч, выкладывай, что нам надо и сколько. Завтра приходит корабль с припасами.

– А на какой срок выходим?

– Рассчитывай на три месяца.

На другой день случился аврал, пошла интенсивная подготовка к походу. Грузились припасы, догружались торпеды, отбирались курсанты для похода. Некоторые из них – моряки-подводники с дизелюх, они знают, как вести себя на лодке, не раз бывали в боевых походах. Так что курсантами их можно назвать с большой натяжкой. Кто-то служил на надводных кораблях, некоторые и моря не видели, но проявили себя во время учебы с самой лучшей стороны. Иными словами, самые-самые. Да и потом, за все время, что они были с нами в море, замечаний к ним не было.

* * *

– Командир, что молчишь, зову-зову, а ответа нет.

– Да так, Петрович, задумался. Засекли что-то?

– Нет, все по-прежнему.

– Пономарёв, что в эфире?

– Тишина, товарищ командир, передатчики работают где-то южнее Нарвика и в районе Киркенеса.

– Что будем делать? Ни одной приличной посуды, одни десантные баржи спуют, и то под самым берегом, а у них осадка метр, как их топить. К-1 со своей артиллерией могла бы помочь, да она ушла на базу, вот бы повторился тот мартовский шторм, очень он хорошо тогда потрепал фашистов и утопил несколько точно таких барж.

– А может, эски поднимем на поверхность, у них по сотке стоит, глядишь, кого-то и накроют, – предложил Августинович.

– Опасно поднимать. На баржах стоят орудия калибра 75 миллиметров, на некоторых и 88 миллиметров. Одно попадание, и лодка лишится возможности погружаться. Можно попробовать, если будет одиночная баржа. Если будет радиопередатчик на барже, мы его заглушим. Они не смогут вызвать помощь. От авиации пришло предупреждение вовремя. Осталось только подождать, когда такая возможность представится.

– А может, вызовем эсминцы, как только засечем караван барж или авиацию. Сейчас на север прибывают полки на Ту-2, вот тут они могут серьезно помочь, – не унимался Августинович.

– Могут не разрешить их раньше времени использовать, – предположил Петрович.

– Так мы сейчас сделаем запрос по этому поводу. Что нам может предложить командование флота, эсминцы или авиацию?

На наш запрос пришел ответ, что высылают эсминцы в море, которые будут находиться на траверзе Вардё, милях в тридцати от него, и дожидаться нашего сигнала, как только караван барж будет обнаружен.

– Вот это дело, – сразу обрадовался Августинович, – а то торпедами по плотам – бесполезное занятие. Осталось только дожидаться такого каравана, на который можно навести наши эсминцы.

– Да, осталось только дожидаться, – ответил я.

Но нам вначале выпало испытать подлодки в артиллерийском бою. На другой день после радиogramмы мы засекли две баржи, пробирающиеся вдоль берега. Первой всплыла С-51, сблизившись на семьдесят кабельтовых, открыла огонь по баржам. Однако с такой дистанции попасть в пятидесятиметровую цель – это надо быть снайпером. Мы пробовали корректировать огонь, но у нас не артиллерийский радар, и из этой затеи ничего не вышло. С-51 попробовала подойти ближе, но два орудия против одного – нечестно, хотя они и были 75-миллиметрового калибра, и, опасаясь получить снаряд, Кучеренко отошел подальше. Вскоре подошел Щедрин, и два против двух, силы сравнялись по количеству крупных орудий, но не по калибру. Лодки встали носом к целям, уменьшая площадь поражения, и начали сблизаться с баржами, сократив дистанцию до сорока кабельтовых, лодки добились нескольких попаданий, принудив баржи выброситься на берег. Возможно, они бы и не выбросились, но все попытки связаться со своим командованием и вызвать помощь ни к чему не привели, так как мы глушили их передачи. После этого боя мы поняли, что это была первая и последняя попытка использовать подлодки в открытом бою с надводным противником. Обе лодки получили по несколько осколочных пробоин, не влияющих на боеспособность, хорошо, ранения никто не получил, но и это все равно неприятно.

На другой день немцы решили провести операцию по выдворению наших подлодок со своих коммуникаций.

– Тащ каперанг, на радаре воздушные цели, их много, на экране пять отметок, удаление сто двадцать километров, высота две пятьсот, скорость двести десять, курсом на восток, – доложил оператор.

– На радаре сопровождать цели, обо всех изменениях докладывать.

– Что это может быть? Может, противник обнаружил наши эсминцы и решил нанести авиаудар по ним? – предположил Августинович.

– Не знаю. Но слишком маленькие силы выслали для удара по эсминцам, да и летят они с запада, а не с юга. Им было ближе из Киркенеса лететь, если бы решили нанести удар по ним.

– Тогда, может, пополнение к фронту гонят, так опять же, напрямую над землей ближе и безопаснее будет.

– На всякий случай дадим предупреждение подлодкам и эсминцам. Разведчики такой стайей не летают над морем.

Но мы ошиблись, это были именно разведчики. Они летели двумя группами на удалении шести миль друг от друга, выискивая признаки подлодок. Мы их снова пропустили над собой, нырнув глубже.

Следующий доклад поступил от операторов ГАКа.

– Товарищ командир, множество шумов, удаление шестьдесят миль.

– Что за шумы, идентифицировать сможете?

– Далеко, но с уверенностью можем сказать, транспортов нет, а если есть, то не более полутора тысяч тонн.

– А вот это уже интересно, что там фрицы придумали, кого и куда послали.

– Что, командир, будем вызывать эсминцы?

– Немного подождем, надо точно выяснить, с чем мы имеем дело.

– Товарищ командир, воздушные цели разделились. Пара продолжает полет дальше на восток, а тройка повернула назад, – доложили с радиолокационного поста.

– Придется нам сбегать туда и посмотреть, кого там немцы нам послали. Дима, курс на перехват. Обе турбины шестьдесят процентов, глубина сто пятьдесят метров.

Через два часа мы уже все знали о своем противнике, подойдя на пятнадцать миль к нему. Вначале акустики сверили портреты кораблей, что были у нас записаны в архиве, с портретами кораблей, слышимых в этом охотничьем гоне. Подошли еще ближе, и я, проявив неуважение ко всему кригсмарине, всплыл под перископ, чтобы посмотреть, что происходит. Да, фрицы разозлились на этих русских за подобное нахальство, когда их подлодки всплывают и расстреливают беззащитные баржи. Теперь решили раз и навсегда избавиться от них. Нечего делать русским у берегов Норвегии. Ага, сейчас мы напугаемся и дадим деру. Не на тех напали.

– И кто тут у нас? – поинтересовался я, осматривая горизонт.

Наблюдаю: на удалении двух миль от берега частой гребенкой шириной миль восемь-девять уступом в сторону берега идут противолодочные корабли противника. Кого тут только не было, и тральщики тип-1938 в количестве четырех штук, и китобойцы, и траулеры, переоборудованные в охотники за подлодками, – всего одиннадцать вымпелов. Над всем этим кружат пять самолетов.

– Что предпримем? – спросил я, когда мы снова нырнули на глубину.

Немцы решили очистить море от нас. Значит, в ближайшее время планируют провести большой конвой. Похоже, наши приготовления на фронте не остались незамеченными.

– А может, наведем на них эсминцы? – предложил Григорыч.

– Зачем на них наводить эсминцы, все же тут одиннадцать вымпелов, а это не менее пятнадцати 105-миллиметровых орудий, так что нашим эсминцам может влететь. И ради чего рисковать, транспортов ведь нет.

– Отойдем немного мористей и предупредим всех наших, пусть ведут себя тихо, эту свору пропускают мимо и ничего не предпринимают.

Немцы сутки утюжили море, иногда бомбили для профилактики, брали нас на испуг, но, ничего и никого не обнаружив, рассосались по многочисленным фьордам и бухточкам в ожидании срочного вызова на подмогу.

Прошли еще одни сутки, но наверху было спокойно.

– Если до завтра ничего не произойдет, эсминцы уйдут на базу, только зря проболтались в море, – досадовал Августинovich.

Да, немцы не оставили без внимания приготовления нашей 14-й армии и пришли к выводу, что русские готовят наступление. А в свете того, как сейчас развиваются события на всем советско-германском фронте, инициатива переходит к русским войскам. Есть большая вероятность, что русские снова повторят удар на Петсамо – Киркенес и в направлении озера Инари, отрезая 19-й корпус от основных сил и захватывая никелевые рудники. Немецкое командование, понимая всю важность этих рудников для германской металлургической промышленности, начали переброску подкрепления для 20-й армии генерала Дитля. Адмиралу Августу Тиле было обещано выделить пару тяжелых кораблей из эскадры, сосредоточенной в Нарвике и Альт-фьорде, для поддержки сухопутных войск в районе Варангер-фьорда. Гитлеру доложили, что русские перебрасывают в Заполярье дополнительные силы, а следовательно, русские в ближайшее время предпримут еще одно наступление с целью выйти к государственной границе с Норвегией, а заодно с этим захватить никелевые рудники. А этого нельзя допустить. Никель нужен для новых тяжелых танков, которые германская промышленность выпускает в преддверии нового летнего наступления. Гитлер дал разрешение Дёницу на использование любых кораблей по своему усмотрению из эскадры, которая собралась в Норвегии.

Он срочно приказал перебросить одну из дивизий, предназначавшихся для удара на юге России, в район Петсамо. Она уже грузилась на транспорты, и первые суда с пополнением начали выходить в море. Но пока шла переброска пополнения и снаряжения из Средней Нор-

вегии. Немцы задействовали для перевозки грузов БДБ⁵, которые, двигаясь у самого берега, оставались практически неуязвимыми для подлодок из-за своей осадки. Они тихоходны – от 8 до 10 узлов на максимуме и берут от 60 до 100 тонн, снуют между портами постоянно и с мизерными потерями, и грузы доставляются постоянно. Большой вопрос: как их остановить? Сюда, за мыс Нордкап, наши самолеты залетают довольно редко. Немного чаще летают только до Нордкина. Но без должной авиационной разведки большинство этих налетов на коммуникации противника впустую.

Пока мы прятались от немцев в морских глубинах, с нашими диверсантами в этот же отрезок времени произошел интересный случай. Будучи за линией фронта в поиске, они на пути к дому угнали у немцев боевой катер, разгромив попутно береговой пост наблюдения. Но об этом мы узнали только по приходе на базу, и рассказ будет впереди.

Утром пришел запрос из штаба флота по поводу эсминцев – если за следующие двенадцать часов противника не будет, корабли уйдут на базу.

Когда до окончания срока оставалось около двух часов, нам повезло, на подходе к мысу Нордкап на удалении сорока миль был засечен большой караван барж,двигающихся под берегом. Чуть мористей шли четыре тральщика для огненной поддержки, на случай если какая-то подлодка вдруг надумает всплыть и атаковать артиллерией. С воздуха караван прикрывали две летающие лодки.

– Передать на эсминцы, что в квадрате 32–26 обнаружен караван БДБ, не менее пятнадцати единиц, под охраной четырех ТЩ, не забудьте также курс и скорость. Михаил Петрович, – это я Августиновичу, – надо сообщить на подлодки, чтобы выходили в квадрат 34–26 и ожидали команды. Примерно через три часа туда подойдет караван немецких судов, надо выбить тральщики до подхода наших эсминцев.

Через три с четвертью часа первым в атаку на корабли охранения вышел Кучеренко. На этот раз атака ему удалась: из двухторпедного залпа одна из торпед попала в носовую часть тральщика, разрушив ее до орудия. Корабль не затонул, а остался на плаву, задрав корму и погрузившись носом по палубу. Один из оставшихся тральщиков взял подранка на буксир за корму и начал буксировку поврежденного корабля к берегу. Минус два противника, но осталось еще два ТЩ, и один из них начал преследование С-51, сбросив десяток бомб за два прохода над предполагаемым местом нахождения подлодки, он прекратил атаку и поспешил за караваном.

Следующим на конвоиров вышла Щ-403 Шуйского, который уже имел одну победу в этом походе, потопив транспорт в три тысячи тонн. Однако в юркий тральщик не попал, хотя торпеда точно шла на цель, корабль успел отвернуть от нее. Теперь другой тральщик решил попытать счастья в атаке на подлодку. Так, на Шуйского еще и самолет сбросил пару глубинок, они взорвались в полутора кабельтовых от борта, когда лодка была на циркуляции. Но и Шуйскому повезло, долго его не преследовали. Корабль, сбросив дюжину бомб, удалился.

Мы находились в десятке миль, идя параллельно конвою, и глушили их передачи, не давая вызвать помощь. Но помощь фрицы получили, навстречу каравану спешили два охотника за подводными лодками, переоборудованные из китобойцев, которые через полчаса встали в охранение. Немцы на берегу подняли тревогу, когда не смогли из-за помех в эфире связаться с кораблями конвоя. С кормы к каравану также спешили два корабля охраны, но им было еще далеко. Так как своя не слишком большая скорость да плюс караван на месте не стоит, а тоже движется, чтобы догнать, им понадобится не менее часа. Но этого часа им не хватило, с востока подходили наши эсминцы «Громкий» и «Разумный» с лидером «Баку» во главе. Два немецких тральщика повернули навстречу нашим эсминцам, подставляя себя под удар, но давая баржам подойти к берегу или выброситься на него, тем самым спасти свой груз. Вслед за

⁵ Быстроходные десантные баржи. (Примеч. ред.)

тральщиками на эсминцы повернули и китобойцы, на каждом по одному 105-миллиметровому оружию, они решили поддержать своих товарищей. Первыми на эсминцы пошла в атаку пара BV-138 из воздушного прикрытия. Хотя они и не такие опасные противники, как «Юнкерсы» или «Хейнкели», но зенитчиков они заставили понервничать, имитируя атаки. Обычных бомб летающие лодки не имели, только глубинные, и то не полный запас, так как одна из них половину сбросила на Щ-403. Эсминцы разделились, два пошли на эскорт, оттесняя его от барж, а лидер прямо на караван. Немцы и не думали уступать, больно огрызались, маневрировали, прикрывались дымзавесами, хотя постепенно сдавали свои позиции. Один из тральщиков уже горел, пораженный снарядом, парил и китобоец, потеряв ход. «Громкий» получил снаряд под среднюю надстройку в камбуз, разрушив его. Зенитное оружие, стоящее на надстройке с левого борта, вышло из строя из-за проседания настила. Командир эсминца «Громкий», капитан второго ранга Кравченко, начал увеличивать дистанцию боя, избегая новых повреждений, а попросту труся. У них у всех сидела мысль еще с довоенных лет: за любую аварию или повреждения, полученные при эксплуатации корабля, нес ответственность командный состав, и в первую очередь командир. А тут – попадание снаряда, жертвы и пострадавшие. За такое никто по головке не погладит. Всегда кто-то найдется и скажет, что командир не справился со своими обязанностями, не так управлял кораблем, подставился под снаряд.

Один из кораблей взорвался – это эсминец «Разумный» разрядил свои торпедные аппараты, и одна из торпед попала в стоящий без хода китобоец. Пока эсминцы занимались эскортом, «Баку» начал расстреливать баржи под берегом, две горели на берегу, еще одна погружалась кормой, не успев выброситься на него. Баржи пытались отстреливаться, но, как только одна из них, по-видимому перевозившая боеприпасы, взлетела в воздух, остальные дружно стали выбрасываться на берег. Немцы решили таким способом сохранить груз. А там, может, авиация подоспеет или корабли подойдут и русские уберутся. Да, авиация была уже на подлете, и корабли подходили – тральщик-восьмисоттонник и один охотник за подлодками, переделанный из траулера. Тральщик далеко вырвался вперед благодаря своей скорости и уже подходил на дистанцию открытия огня, когда в него врезалась торпеда, выпущена С-56. Это Щедрин выпустил свои последние торпеды, и одна из них попала в тральщик, который почти моментально затонул.

Мы наблюдали бой, находясь в трех милях мористей, но сами не вмешивались, следя лишь за обстановкой.

– Тащ командир, приближаются самолеты, дальность шестьдесят миль, высота три километра, скорость 320, курсом на нас.

– Пономарёв, радиограмму в штаб – срочно высылайте истребители для прикрытия эсминцев, тридцать миль западней мыса Нордкин. Передать на корабли о приближении авиации противника, пусть выходят из боя.

«Баку» уничтожал шестой или седьмой плот с мотором, когда получил предупреждение о приближении авиации противника. Эсминцы начали выходить из боя, отходя от берега курсом на восток, набирая ход до полного. В это время налетели два десятка «Юнкерсов» и набросились на наши корабли, которые на полной скорости уходили с места боя, оставив после себя наполовину уничтоженный караван и два корабля эскорта. Тем не менее совместными усилиями поврежденный тральщик был добит. Я сильно переживал за наши корабли, опасаясь повторения катастрофы, случившейся 6 октября 1943 года в нашей реальности, правда, на Черном море, где вот так же было потеряно три боевых корабля. Лидер «Харьков», а также эсминцы «Способный» и «Беспощадный» были потоплены авиацией противника. И вот точно такая же черноморская ситуация повторяется тут на севере. И здесь три боевых корабля против авиации противника – и кто выйдет победителем? – поди знай.

Катастрофы не произошло, корабли отбились, им повезло, что в первом налете не участвовали пикировщики Ю-87. Когда корабли находились уже восточнее Вардё, последовал новый

налет: 87-е и 88-е «Юнкерсы» под прикрытием 109-х и 110-х мессеров. К счастью, в это время подоспела помощь в виде двенадцати новейших истребителей ПО-3. Потеряв в воздушном бою пять самолетов, немцы поспешили домой.

Первый рейд, проведенный на коммуникации противника совместными усилиями подлодок и надводных кораблей, принес в общую копилку побед над фрицами три транспорта общим водоизмещением 11 000 тонн, артиллерийскую баржу в 400 тонн, 10 БДБ, а это более 2000 тонн. Было потоплено пять кораблей охранения, два серьезно повреждены – оба восьмисоттонники, один остался без винтов, другой без носа. Кроме того, подводная лодка М-172, не входящая в нашу группу, потопила возле Киркенеса судно в 1200 тонн, шедшее туда из Вардё. Это все в плюсе. В минусе у нас – повреждения получила подлодка К-1, эсминцы «Громкий» и «Разумный» и самое неприятное – двое погибших и семеро раненых, два из них с «Разумного». С-56 Щедрина уходила на базу, истратив все торпеды, у Шуйского на Щ-403 их осталось всего две, и обе в кормовых аппаратах, ее тоже пришлось отпускать. Да и у остальных негусто. Это на нашей лодке полный боезапас. Августинovich решил оставшиеся две подводные лодки задержать на два-три дня, а потом и их отправить, пока не подойдет смена.

Меньше всех истратил в этом походе Видяев, за две атаки он использовал четыре торпеды из десяти, потопив всего один транспорт. Кучеренко истратил шесть из двенадцати, не потопил никого, но нанес повреждения тральщику и теперь горел желанием утопить что угодно под немецким флагом. Другим-то посчастливилось.

– Михаил Петрович, как вы думаете, сколько мы тут прождем, пока немцы надумают выслать что-то стоящее? Я предлагаю наведываться к Альт-фьорду, туда чуть больше сотни миль, – предложил я Августинovichу. – Здесь явно на какое-то время намечается затишье, надо менять место, тут клева не будет.

– Я не против. Надо только предупредить штаб о смене позиции, чтобы подлодки, которые придут, знали, куда идти.

Передав сообщение о смене позиции, мы направились в сторону Альт-фьорда, оставив позади С-51 и Щ-422, хотя те шли за нами в надводном положении. На переходе к Альт-фьорду мы каждый час всплывали под перископ и сканировали воздушное пространство. На подходе к острову Сёрёйа акустики засекли шумы подводной лодки.

– Тащ капитан первого ранга, шум винтов, десять слева, дистанция восемь миль, цель опознана, по почерку семерка, идет в надводном положении тем же курсом, что и мы.

– Нам тут еще ее не хватало, – высказался Петрович, – что будем делать, командир?

– Топить будем.

– Командир, чем топить, у нас только торпеды местного производства, не считая НЗ, но их мы оставили для другой дичи.

– Попробуем местными, или хрен с ней, пускай топают, куда направилась. В общем, так, пока ее не трогаем. Если идет к себе на базу, пусть идет, а если вдруг услышит наших... Хотя это тоже маловероятно, все же наши идут в пятнадцати милях позади нее. Если что, придется пожертвовать еще одну из «Пакета». Снизить скорость, обе турбины на десять процентов, глубина девяносто метров.

Немка и мы позади нее так и дошли до входа в Альт-фьорд. Она нас не обнаружила и повернула на базу. Впрочем, маловероятно, чтобы, идя надводным ходом, она могла что-то услышать из-за работы своих дизелей. Сами мы прошли еще миль десять вперед и расположились по центру входа во фьорд, ожидая Кучеренко с Видяевым.

– Михаил Петрович, думаю, Видяева оставим с восточной стороны фьорда, а Кучеренко определим на западный берег, – предложил я Августинovichу.

– Вот бы сейчас вышел отсюда «Тирпиц» или на худой конец «Шарнхорст», – мечтательно проговорил Петрович.

– Да, Петрович, это мечта любого подводника, кто не мечтает потопить линкор, да еще авианосец. Тоже лакомая цель, жаль, что у фрицев их нет в наличии, не могли они для нас свой «Граф Цеппелин» достроить.

– Сколько нас в одном вместе собралось Петровичей? – вспомнил приметку мой старпом. – Вдруг повезет, и один из этой парочки или даже оба вылезут из фьорда под наши торпеды. А как их боится английский флот.

– Мечтать не вредно. Вредно не мечтать. Верно я говорю, товарищи офицеры?

Пока мы мечтали, Видяев уже занял позицию на отведенном ему участке. Кучеренко проходил в шести кабельтовых от нас, точнее, от наших выдвижных устройств. Я только хотел высказаться насчет бдительности немцев, дескать, куда они смотрят, у них под носом в надводном положении шастают две русские подлодки, а они сидят дома.

– Тащ командир, воздушная цель, удаление сто километров, курсом на нас, – доложил оператор.

– Предупредить Кучеренко с Видяевым о воздушном противнике.

Когда над этим местом пролетал воздушный патруль, на поверхности моря гуляли только волны.

Нет, наши мечты не сбылись, линкоры так и не показались из фьорда. Как, впрочем, крупнее переоборудованного рыболова в течение суток из фьорда ничего не выходило. Тем не менее мы дождались небольшого транспорта порядка две – две с половиной тысячи тонн под охраной двух охотников за подводными лодками и миноносца, что для такого мелкого судна, на наш взгляд, чересчур жирно. Мы этот непонятный отряд обнаружили уже давно и подготовили для его встречи Кучеренко. Он встал на позицию в миле от поворота во фьорд, ожидая, куда пойдут корабли. Или завернут во фьорд, или пойдут дальше. Он встал с таким расчетом: если пойдут дальше, он стреляет носовыми, а если повернут во фьорд, то кормовыми торпедными аппаратами.

Мы наблюдали за разворачивающимися действиями со стороны. Вначале судно и его сопровождающие двигались на восток и, похоже, не намеревались заходить. Но потом поравнялись с тем местом, где на позиции находилась подлодка Кучеренко.

– И что там медлит Кучеренко, – не выдержал Августинович, – еще немного, и ему будет неудобно стрелять.

– Возможно, что-то произошло на подлодке, или Кучеренко вот-вот произведет залп, – успокоил я Августиновича.

Но вдруг корабли изменили курс и стали поворачивать во фьорд, как по команде.

– Такое ощущение, что кто-то отдал команду кораблям зайти в Альт-фьорд, а не продолжать путь дальше, – высказал свое предположение наш комиссар.

– Товарищ командир, а Валентин Григорьевич прав, нами перехвачена радиограмма, источник передачи находится в районе Нарвика, – доложил Пономарёв.

После расшифровки мы узнали – немцы повернули конвой во фьорд, опасаясь русских подлодок и кораблей, которые еще недавно бесчинствовали на сотню миль дальше на восток.

Кучеренко уже выходил в атаку, готовясь стрелять носовыми, когда конвой резко повернул и пошел прямо на него. Пришлось уходить на глубину, пропуская корабли над собой. А потом всплывать и попытаться снова выйти в атаку. На разворот уже времени не было, значит, атаковать придется из кормовых. Хотя пускать торпеды вдогон по уходящим кораблям – это также трата торпед впустую. Тут один шанс из ста, что сумеешь в кого-то попасть. Кучеренко на свой страх и риск все же решился на атаку с кормы. Впереди шел транспорт, за ним, прикрывая с кормовых углов, – миноносец, еще два охотника за подлодками прикрывали транспорт с бортов. Кучеренко решил испытать свое счастье, стреляя вдогон по миноносцу. Фортуна от него, так сказать, не отвернулась. После залпа он нырнул и потихоньку стал уходить подальше

с того места. Контрольное время прошло, а взрыва все не было, Кучеренко подумал, что снова промахнулся, а когда раздался взрыв, то даже не поверил, что куда-то попал, слишком долго шла торпеда. А он попал, но только не в миноносец, а в транспорт. А как? Только одному Богу известно. Так как миноносец перекрывал собой транспорт, стрелял из кормовых аппаратов, углубление стояло на два метра. Как они прошли под миноносцем? А может, рядом с ним. Но одна из торпед попала транспорту в корму, и он стал немедленно тонуть. Всплывать под перископ он не стал, боясь себя обнаружить, и решил отойти подальше. Через несколько минут началось преследование, воды фьорда закипели от разрывов глубинных бомб. Миноносец и охотник шли параллельным курсом к месту, где, по их мнению, находилась С-51.

– Товарищ командир, Михаил Петрович, надо выручать Кучеренко, пока они его не засекли, – взмолился Августинович.

В этот момент мы находились в четырех милях от преследователей, а они в двух-трех кабельтовых от подлодки. Нам требовалось гораздо больше времени, чтобы подойти к месту события, чем немцам до подлодки.

– Включить гидролокатор на полную мощность, может, им это поможет. Услышат и подумают, что на них выходит подводная лодка в атаку, поубавят прыти.

Однако пока ничего не происходило, корабли продолжали бомбить водное пространство. Они уже проскочили то место, где была лодка, и теперь поворачивали на другой галс, чтобы повторить атаку.

– Тащ командир, корабли изменили курс и теперь движутся на нас, – поступило сообщение с ГАКа.

– Глубина сто пятьдесят метров, уклонение вправо, обе турбины на пятьдесят процентов.

Мы разошлись бортами на удалении трех кабельтовых от крайнего корабля противника, который не успел среагировать на наш маневр, не ожидая такой скорости, как у нас. Пока они разворачивались, мы оторвались на милю, уводя их от Кучеренко. Впоследствии узнали, что это был первый транспорт с пополнением, на котором находился усиленный пехотный батальон из перебрасываемой дивизии фрицев для усиления 20-й армии Дитля. Теперь же половина этих вояк покоилась на дне, другая принимала водные процедуры для укрепления здоровья.

Немцы выловили оставшихся в живых солдат и отправились на базу, а оттуда вышли еще три охотника за подлодками и пара шнелльботов. Очевидно, решили с оставшимся миноносцем еще раз основательно проутюжить водное пространство перед фьордом. Они тут крутились часов пять. То набирали ход, бомбя, то замирали, прислушиваясь. Так ничего и не обнаружив, ушли на базу, оставив в дозоре охотника за подлодками.

На третий день ожидания напротив Альт-фьорда к нам подошло пополнение, состоящее из Щ-402 – капитан третьего ранга Каутский, С-55 – капитан-лейтенант Сушкин и К-3 – капитан-лейтенант Малафеев. Августинович направил в район Нарвика подлодку К-3, а С-55 к Тромсё. Щ-402 осталась напротив Альт-фьорда и составила компанию С-51 и Щ-422. Нам приказали вернуться к Варангер-фьорду и ждать дальнейших распоряжений.

– Что бы это значило, нас срывают с выполнения задания? – удивленно спросил Петрович.

– Петрович, ты что, не догадываешься, почему нас отзывают?

– Неужели начинается?

– Вот именно. Это значит, что в самое ближайшее время мы переходим в наступление.

– Наконец, дождались. На этот раз мы обязательно надерем фрицам задницу. Командир, а ведь это должно произойти почти на полтора года раньше, чем в нашем времени.

По прибытии в отведенный нам район мы тщательно определились со своим местоположением. Нам предстоит наносить ракетный удар по точечным целям, а для этого надо знать точное свое местоположение.

И этот день настал. 28 апреля 1943 года наши войска перешли в наступление.

В 5.00 мы получили подтверждение о начале операции, которая по плану должна начаться в 7.00, и нам осталось только ждать, когда мы понадобится. Накануне передали координаты пятнадцати целей, по которым предполагалось нанести ракетный удар, если они не будут уничтожены другими средствами. Их определила группа Большакова вместе с разведчиками из 181-го разведотряда, где воевал младший лейтенант Леонов – знаменитый североморской разведчик, в нашей реальности дважды Герой Советского Союза. Они почти месяц пролазили по передовой и в тылу врага, определяя все ключевые опорные пункты в местах вероятных основных ударов, при уничтожении которых оборона сразу становилась на пятьдесят процентов менее боеспособной. Нам оставалось только ввести все данные в головки самонаведения, а уж там, когда ракеты будут на подлете, ребята подсветят цели.

По плану Ставки войскам Карельского фронта (командующий генерал-лейтенант Фролов В.А.) поставили задачу нанести удар по войскам 20-й горной армии в направлении озера Инари, реки Тана и Тана-фьорда. Удар наносился встык 18-го и 19-го корпусов, отрезая последний от основных войск и освобождая как свою территорию, так и север Финляндии и Норвегии, район Варангер-фьорда и прилегающие к нему территории. Если операция пройдет успешно, будут предпосылки принудить Финляндию выйти из коалиции с Германией и заключить мирный договор на тех же условиях, что и в 40-м году.

19-й немецкий горно-егерский корпус (командующий – генерал-лейтенант Фердинанд Шёрнер) в составе 3 горных дивизий и 4 бригад, около 60 000 человек, более 700 орудий и минометов, немногим более 150 самолетов из состава 5-го воздушного флота занимал глубоководную оборону в условиях труднопроходимой местности (скалистые сопки, озера, фьорды).

В Ставке решили право первого удара отдать 14-й армии генерал-лейтенанта Щербакова (ему в этот самый день присвоили генерал-лейтенанта), а через два дня 19-я армия генерал-майора Морозова выступила в направлении озера Инари и городишка Кемиярви. Ее поддерживает 26-я армия генерал-майора Никишина.

В 7.00 началась артподготовка, за ней в 9.30 – наступление. В это же самое время авиация наносила бомбовые удары по ближним тылам и аэродромам противника, штурмовики – непосредственно по резервам. 131-й корпус в первый же день достиг реки Титовка. Большая часть пополнения 14-й армии была сведена в два корпуса, и им присвоили такие же номера (по подсказке Головина), что и в нашей реальности. Менее удачно развивались первоначально дела у 99-го корпуса. Ему не удалось овладеть опорными пунктами врага в главной полосе обороны. Прорвать ее удалось только вечером, после удара по основному узлу одной из ракет, пока немцы пребывали в замешательстве. Бойцы 1224-го полка 368-й дивизии прорвали оборону, захватив этот опорный пункт.

29 апреля перешли в наступление 126-й и 127-й корпуса из группы войск генерал-майора Кошевого, располагавшейся восточнее реки Западная Лица, в месте наибольшего продвижения немецких войск в направлении Мурманска. В ту же ночь моряки высадили десант в губе Малая Волоковая (фьорд Маттивоно), перевалили через хребет Муста-Тунтури и, отрезав часть немецких сил, двинулись на Петсамо.

На левом фланге 126-й легкострелковый корпус под командованием полковника Амброзова (моряки-дальневосточники да сибиряки плюс одна дивизия, которая прошла закалку в Сталинградской битве) успешно совершал обходный маневр, на четвертые сутки достиг дороги Петсамо – Салмиярви и западнее Луостари перерезал ее. 127-й легкострелковый корпус генерал-майора Г.В. Голованова ночью овладел аэродромом в Луостари, а затем совместно с 311-й дивизией 99-го корпуса очистил этот населенный пункт. Петсамо был окружен со всех сторон, так как с востока подходила морская пехота, с юга рвался 131-й корпус, на западе контролировала обстановку 72-я морская бригада, а с севера угрожал десант Северного флота, овла-

девший 4 мая гаванью Лиинахамари. Во время заключительного этапа Петсамо-Киркенесской операции силами 181-го особого разведывательного отряда Северного флота проводилась операция по взятию порта в районе населенного пункта Лиинахамари. Укрепленный немецкий порт Лиинахамари прикрывали мысы Крестовый и Романов. В гранитной основе мыса Крестовый немцы оборудовали различные укрепления, блиндажи, окопы, огневые точки, бункеры, в некоторых из них находились торпедные аппараты. Из этих бункеров хорошо просматривался вход в бухту, что позволяло торпедировать любой корабль или подводную лодку⁶.

3 мая 1943 года морской диверсионный отряд под командованием капитана второго ранга Большакова и младшего лейтенанта Леонова атаковал две немецкие батареи на мысе Крестовый после удара ракетой «Гранит» (за время операции, то есть с 28 апреля по 10 мая, мы потратили всего 4 ракеты) и после скоротечного боя захватил обе батареи с минимальными потерями. Захват батарей обеспечил успешную высадку морского десанта в Лиинахамари, занятие этого района и овладение Петсамо. Оборона Никеля была возложена на группу войск генерал-лейтенанта Филиппа, состоявшую из частей и подразделений, отступивших от Луостари и перебазировавшихся из Финляндии.

Кораблями Северного флота были высажены еще три тактических десанта на южном побережье Варангер-фьорда: 8 мая – десант в заливах Суолавуоно и Аресвуоно, 13 мая – в Кобхольм-фьорде, 15 мая – в Холменгро-фьорде. Все три десанта были осуществлены успешно и сыграли положительную роль в ходе советского наступления. Одновременно морская пехота при артиллерийской поддержке эсминцев и сторожевых кораблей очищала побережье, но продвижению очень мешали боевые корабли немцев. Здесь у них было много БДБ и артиллерийских барж, а каждая из них вооружена двумя 88 – 105-миллиметровыми орудиями и несколькими зенитными автоматами, которые были опасными для наших штурмовиков. Авиации и эсминцам пришлось несладко, чтобы заставить их замолчать. 16 мая 131-й корпус генерал-майора Минзакира Абсалямова ворвался в Наутси с востока, где находился лагерь советских военнопленных, а 127-й легкострелковый корпус – с севера. Отходя к Киркенесу, противник все в больших масштабах применял различные заграждения и производил всевозможные разрушения на дорогах. Путь на Киркенес был заминирован, подвесной мост через фьорд взорван. Яр-фьорд был форсирован на катерах, баркасах и рыбацких лодках. Большую помощь оказали бойцам норвежские патриоты, вышедшие в море на мотоботах. Они спасали экипажи подбитых катеров и, несмотря на обстрел, переправляли их на другой берег. Когда при форсировании Эльвенес-фьорда пришлось начинать все сначала, 14-я дивизия наводила десантную переправу на плотках, а местные жители оказали нам поддержку. Так же поступали и в Бек-фьорде.

В 9 часов утра 15 мая передовые части Красной армии ворвались в Киркенес.

В этот же день пришел приказ: 16 мая к 14.00 прибыть в точку, которая расположена в 15 милях восточнее полуострова Рыбачий.

– Вот и все, похоже, нам тут больше нечего делать, – объявил я, прочитав радиogramму. – Большаков предупреждал нас пару дней назад после последнего ракетного удара по одному из узлов вражеской обороны, что в районе южного побережья Варангер-фьорда целей для нас больше не предвидится. И если будут, то только на полуострове Варангер, а пока можем расслабиться. Так что мы свободны.

Наступление наших войск шло по всему фронту. Передовые подразделения 19-й армии, прорвав оборону немцев и финнов, вышли на восточный берег озера Инари и, обходя его с юга и севера, перешли в наступление в сторону реки Тана. Южнее наступала 26-я армия на Кемиярви и Вуотсо. Войска 19-й армии 17 мая вышли к реке Тана, с ходу форсировав ее,

⁶ На мысе Романов до сих пор сохранились бетонные бункеры, где располагались немецкие торпедные аппараты.

захватили плацдарм, но дальше не продвинулись, остановленные прибывшими из Германии свежими войсками, хотя они и понесли чувствительные потери 30 апреля при разгроме конвоя в районе Альт-фьорда подлодками Северного флота. На дно ушло не менее 4000 вояк и большая часть тяжелого вооружения. Но даже эта неполнокровная дивизия приостановила движение ударной группировки 19-й армии. Тогда Морозов повернул часть своих войск на север и повел наступление в сторону Тана-фьорда, полностью отрезая 19-й корпус противника.

18 мая был высажен десант в районе Вадсё на полуостров Варангер, который повел наступление на Вардё и к восточному берегу Тана-фьорда на Берлевог. Но в это время к Тана-фьорду подходила мощная эскадра немецких военно-морских сил во главе с «Тирпицем», которые конвоировали транспорты с войсками, намереваясь высадить их в Берлевоге и в самом Тана-фьорде и остановить наступление наших войск и отбить Киркенес.

Глава 3

В ожидании Тирпица

15 мая 1943 года, штаб командующего военно-морскими силами в Норвегии адмирала Отто Цилиакса.

– Обстановка крайне скверная, господа! Русские неожиданно мощным рассекающим ударом прорвали фронт 20-й горной армии, отрезав 19-й корпус, устремились в сторону Тана-фьорда. Наши войска понесли крупные потери, но доблестно сдерживают большевистские орды. Да, им пришлось оставить некоторые свои позиции, но они полны решимости вернуть их обратно, для этого наш фюрер предоставил нам подкрепление. Но в Берлине настаивают на победе, причем громкой и блестящей. Иначе говоря, полный разгром, уничтожение русского конвоя. Нашей разведке удалось раздобыть неопровержимые доказательства, что Советы планируют провести десантную операцию в Порсангер-фьорде, для чего собирают боевые корабли и транспортные суда в Варангер-фьорде. Сама операция назначена на период с 18 по 19 мая, русские должны перебросить не менее сорока тысяч человек в глубокий тыл 20-й армии с последующим наступлением на Альт-фьорд. У нас приказ перехватить и уничтожить этот конвой с десантом, также нам поставлена задача провести свой конвой по доставке подкрепления 20-й армии.

Вы знаете, что 11-я флотилия понесла большие потери в сентябре в неудачном выходе в Карское море и вряд ли может оказать нам существенную помощь. Хотя за счет пополнения новыми лодками 11-я флотилия почти восстановила свою численность, но осталась психологическая боязнь экипажей при походе в северные воды русских. Это все из-за того необъяснимого исчезновения подводных лодок на севере. Да я и не уверен, что подводные лодки способны нанести серьезный урон хорошо охраняемому конвою. А нанести некий ущерб конвою, простите, не считается победой! Силы люфтваффе тоже готовы нас поддержать, но и они понесли большие потери от их авиации при отражении русского наступления. Так что надо помнить, что последнее слово должно остаться за флотом! Иначе в Берлине не поймут.

Потому план действий такой. Перейти на передовую базу в Альт-фьорд и ждать там, в готовности к выходу. Как только наш конвой подойдет к Альт-фьорду, выходим для его сопровождения до Берлевога. Если даже русские к этому времени со своим конвоем не выйдут, будем атаковать его прямо в Варангер-фьорде. Сторожевым флотилиям обеспечить безопасность нашего конвоя от русских и английских подлодок на переходе до пункта выгрузки. В открытом море идти противолодочным зигзагом с повышенным ходом, затрудняя лодкам возможную атаку. Вся операция должна пройти предельно быстро и решительно, если русский конвой будет в море – обнаружить, сблизиться и утопить! Если в фьорде, расстрелять его там.

По нашим сведениям, у русских в охране конвоя только легкие силы, сторожевые корабли, эсминцы и катера. Английская эскадра курсирует близ Исландии, вне досягаемости люфтваффе, и быстро выдвинуться к месту боя не сможет. Да они и не горят желанием идти на помощь русским, если те вдруг ее попросят. Да и русские уверены, что мы побоимся вывести свои корабли на перехват, опасаясь подводных лодок и их авиации. Если вдруг эти лимонники все же пошлют свои корабли на помощь русским, для устранения угрозы, наши субмарины будут развернуты завесой по меридиану... Также я рассчитываю на помощь люфтваффе, они должны предотвратить раннее обнаружение авиацией русских наших кораблей и не допустить торпедно-бомбового удара по кораблям эскадры и судам конвоя.

У кого-то есть дополнения, господа? Дополнений нет. Тогда штабу разработать подробный план всех мероприятий.

Прибыв в указанный район и всплыв под перископ, мы выставляем выдвижные устройства, сканируем все вокруг себя. Ни самолетов, ни кораблей в радиусе тридцати миль не наблюдается.

Интересно, кому и зачем мы понадобились.

– Командир, у меня такое чувство, что к нам сейчас завалятся большие шишки и начнут права качать.

– Возможно, в одном ты прав, Петрович, кто-то из начальства должен прибыть к нам на борт. А покачать права – это вряд ли, нас бы тогда послали обратно в Гремиху.

– Вот именно в Гремиху. Сейчас придут товарищи в фуражках с малиновыми околышами и синим верхом, и мы под их присмотром пойдем в Гремиху.

– Петрович, зачем такие сложности, ты представь, как они будут нас захватывать в открытом море, не проще ли прямо на стоянке.

– Тогда нам предстоит какое-то ответственное задание.

– Возможно, и скоро мы узнаем, какого черта нас сюда выдернули.

– Товарищ капитан первого ранга, обнаружена надводная цель, малоразмерная, скоростная, курсом на нас, – поступил доклад оператора РЛС.

Через час с небольшим мы всплыли, чтобы принять тех, кто прибыл на торпедном катере. Конечно, неразлучная тройка Кочетков, Головин, Смоленцев, и с ними контр-адмирал Виноградов. На обратном пути катер забрал от нас Августиновича.

Первым на борт подлодки перепрыгнул Виноградов, за ним – Головин. Следующим кое-как перебрался Кочетков, весь зеленый после недолгой прогулки по морю на торпедном катере, последним вспорхнул Смоленцев. После протокольных приветствий все спустились вниз, и лодка погрузилась под воду.

– Товарищ контр-адмирал, куда прокладывать курс?

– Пока давай командуй к мысу Нордкин. Собирай своих, надо поговорить.

Уже в кают-компания они нам поведали, зачем появились тут.

Первым начал Виноградов:

– Михаил Петрович, у нас есть план, как подложить англичанам большую свинью. Вы все время рассказывали, как было бы престижно, чтобы именно советские моряки утопили фашистский линкор. А то англичане все оставшееся время кичатся тем, что именно они утопили два самых мощных линкора Германии.

– Да мы и не против, даже за и обеими руками. Вот только он засел в Альт-фьорде и носа не высовывает.

Тут в разговор вступил Сан Саныч:

– Петрович, мы хотим выманить «Тирпиц» из Альт-фьорда. И нами разработан план, как это проверить. Поверят или нет в него фрицы, мы не знаем, но надеемся, что поверят.

– И каков ваш план?

– Помнишь фильм «Освобождение», там одного мертвого солдата переодели в офицерскую форму, а в полевую сумку положили фальшивые, но правдоподобные оперативные документы. Примерно так и мы поступили.

– И что сказано в этих правдоподобных фальшивках?

– А там сказано, что мы готовимся высадить большой десант в Порсангер-фьорде и оттуда начать наступление на Альт-фьорд.

– В чьей голове созрел этот гениальный бред?

– Петрович, ты что, не веришь, что немцы на него клюнут? Судя по разведанным, сейчас из Германии перебрасываются войска. И один очень крупный конвой подходит к Нарвику. Немцы очень спешат, завтра или послезавтра они будут уже в районе Варангера.

– Они и без всяких ваших фальшивок должны послать что-то крупнее эсминца на приморский фланг, чтобы своим артобстрелом тормозить наше продвижение. Нашим войскам под

Киркенесом очень досаждали их артиллерийские баржи, меня даже просили ударить по одной слишком надоедливой стерве, но я не стал этого делать. Ты представляешь, «Гранитом» по барже. Ладно бы, это был эсминец или на худой конец канонерская лодка К-3, там хоть водозмещение около двух тысяч тонн, а тут баржа в четыреста тонн.

– Вот именно, они из документов узнают, что мы посылаем три дивизии на полутора десятке транспортов и почти все наличные боевые корабли. Часть кораблей также будет иметь на себе десант, а другая для огненной поддержки и охраны. Крупных немецких кораблей нечего бояться, они из базы не выйдут, опасаясь наших подлодок и авиации.

– Ой, как их это заденет за живое, что какие-то недочеловеки их уже ни во что не ставят, – с усмешкой проговорил я.

– А ты, Петрович, не смейся. Немцы обязательно что-то да вытолкают в море, не будут же они просто так смотреть, как мы высаживаемся у них в тылу. Могут и «Хиппер» с «Нюрнбергом» послать на уничтожение нашего десанта, и то малина. А для пущей правдоподобности мы сейчас сосредотачиваем суда и кое-какие корабли в Петсамо. Немецкая разведка уже пронюхала об этом, поскольку самолеты не раз пролетали над портом. А мы этот десант готовим к высадке на Варангер где-то в районе между Вардё и Вадсё.

– Я понял, если вылезут из своего укрытия, обратно уже не зайдут, не позволим.

– Петрович, тут вот в чем дело. Я, конечно, тебя пойму, если ты сейчас вдруг после одного моего предложения обидишься и пошлешь адмирала подальше.

– В чем дело, товарищ адмирал, что еще за непонятки какие-то, намеки. Вы уж говорите прямо.

– Прямо так прямо. Твоя задача – только остановить «Тирпиц», если он выйдет из фьорда, а добивать будут другие. Чтобы потом показать героя всему народу и миру. Вас нельзя светить, начнутся расспросы, кто такие, откуда родом, где служили, почему до этого момента о вас никто не знал. И главное, какой подводной лодкой командуете.

– Да нет, мы не обидимся, я понимаю, что нам на публику еще рано и другой сорвет оvationи. Хотя жалко отдавать славу победителя. Кстати, а кого вы прочтете на эту роль?

– Как кого, Лунина, конечно. Кто из вас рассказывал, что сразу после войны пошли разговоры, попал или не попал Лунин в корабль. То, что он его обнаружил и атаковал, никто не оспаривает. А если вы сейчас его утопите, то и доказывать ничего не надо. Сами подумайте, что будут говорить об этом в будущем. «Летом 42-го года фашистский линкор «Тирпиц» в окружении многочисленных кораблей сопровождения шел на перехват конвоя, который вез в истекающую кровью Россию такие нужные на фронте военные грузы. Но только при одном упоминании этого имени конвой был брошен англичанами на растерзание фашистским волкам. Но на его пути встал советский подводник, который не допустил полного уничтожения конвоя, торпедировав линкор. В то время он только повредил этот закованный в толстую броню корабль, который бежал поджав хвост, а вместе с ним и весь эскорт. После этого он целых восемь месяцев зализывал раны, нанесенные торпедами подводной лодкой К-21. Но и на этот раз ему не удалось сделать свое черное дело, когда его послали на уничтожение нашего конвоя, на котором находились бойцы Красной армии, принимающие участие в освобождении оккупированной фашистами свободолобивой Норвегии. И снова на его пути встал наш отважный подводник, капитан третьего ранга Лунин. На этот раз не ушел от него этот бронированный монстр, которого так боялись англичане, и был им потоплен».

– Ну как?

– Да, звучит! Вам, товарищ адмирал, надо по совместительству корреспондентом стать. Заголовки в «Правде»: «Вторая встреча хрупкой подводной лодки и бронированного гиганта», «Герой подводник довершил начатое».

– Правильно говоришь, комиссар, именно такие заголовки и будут во всех газетах. Валентин Григорьевич, чтобы я не забыл, ты мне запиши предложенные тобой заголовки для газет.

– Товарищ адмирал, мы тут, как в анекдоте, делим шкуру неубитого медведя, это во-первых. Во-вторых, если все же линкор выйдет, он будет не один. А эскорт не позволит безнаказанно расстреливать корабль, они его будут защищать. Одной подлодкой ну никак не обойтись, а кого мы сейчас можем послать на его перехват? Щ-422 погибла, К-1 на ремонте вместе с Щ-402, остаются С-56 и Щ-403, К-3 еще на позиции и половину торпед, наверное, расстреляла, С-55 тоже в таком положении, С-51 сейчас возвращается на базу.

– С вами на позиции будут С-101 капитана третьего ранга Егорова, С-102, она только что прошла ремонт, ею командует капитан третьего ранга Городничий, С-56 и Щ-403, а также Л-20 капитана третьего ранга Виктора Таммана. Я думаю, этого хватит на один линкор. Как думаешь, Михаил Петрович?

– Должно хватить с избытком, если только все пойдет так, как вы задумали.

– Опять ты сгущаешь краски.

– Товарищ адмирал, как я понял, командовать операцией будете вы?

– Я здесь как представитель флота и для координации со штабом. Боевые действия подводных лодок в этой операции поручаются тебе. Так что, Михаил Петрович, принимай командование.

– Есть принять командование.

Наше совещание плавно перетекло в беседу и продлилось еще пару часов, а вскоре и ужин подоспел.

После ужина я увел Сан Саныча к себе в каюту, конечно с разрешения адмирала и Кочеткова.

– Давай рассказывай, – набросился на Саныча, – как хоть дела идут у наших прогрессоров, сдвиги наблюдаются?

– Ну что рассказать, с чего начать? В авиапроме произошли перестановки. Яковлева освободили от занимаемой должности. Теперь он сосредоточен только на создании своих истребителей. В первую очередь должен довести до ума свой Як-3. Лавочкина назначили замом Поликарпова, может, в этой реальности Поликарпов и проживет на пару лет дольше, но за это время Лавочкин наберется опыта, и в будущем все равно это КБ достанется ему, а пока вдвоем они могут создать еще немало прекрасных истребителей. Ильюшин сосредоточил внимание на модернизации своих штурмовиков. Мясищев возглавил КБ Петлякова. Надо что-то делать с пешкой, все же она создавалась как истребитель, и у нее много недостатков. Первое – маленькая нормальная нагрузка, всего шестьсот килограммов, в перегруз тонна. Крупные бомбы вешать нельзя, бомбоотсек не приспособлен, сказывается истребительное происхождение самолета. Второе – при посадке козлит, семьдесят процентов всех летных происшествий случается при посадке. Бывает, самолет так начинает козлить, что летчик вынужден снова набирать высоту и пробовать повторно зайти на посадку. Мясищев должен избавить самолет от некоторых недостатков. Туполев получил еще один завод для производства своих самолетов и их модификаций, до этого там выпускались Ил-4. Еще он начал разрабатывать предварительный проект стратегического бомбардировщика на тот случай, если к нам не попадут американские Б-29, ведь история меняется. Освободили Бартини, теперь ему, как Микояну и Сухому, поручили прорабатывать проекты будущих реактивных истребителей. Кроме того, Сухого обязали создать специализированный самолет – разведчик-корректировщик – наподобие немецкой «рамы». Красильников сказал, что в конце войны или после нее Сухой создал очень хороший самолет-разведчик Су-12. Пусть лучше сейчас его проектирует, возможно, до конца войны удастся запустить в серию. Антонов должен построить простой и надежный транспортный самолет. Создали единое КБ по проектированию вертолетов, пока идет война, они все будут работать вместе, ибо ресурсов не так много. Может, и создадут что-то стоящее до окончания войны.

– Это Красильников Шахурину на ушко нашептал.

– А как же. Сейчас он там просто незаменим.

– А как дела у остальных?

– Буров все бьется над торпедой. Винокуров вместе с Королёвым, Глушко, Янгелем, Исаевым, Челомеем и Чертком экспериментируют с баллистическими и крылатыми ракетами. Строят уже четвертый прототип. Две уже летали, одна пролетела десятка два километров, но потом у нее взорвалась камера сгорания, другая пролетела чуть больше, но тоже что-то произошло, и она спикировала носом в землю. Николай Казаков в НИИ-20 своими радиоэлектронными приамбасами занимается, помогает Слепушкину и Рязанскому. Их совместная РЛС на порядок превосходит стоящую на вооружении РУС-2 и скоро запускается в производство. Рязанского мы хорошо знаем. Он потом будет заниматься системами самонаведения для ракет в КБ Королёва.

Испытывается новый гидролокатор, построенный на базе американского «Скорпиона». Полным ходом выпускаются тяжелые самоходки Су-122 и Су-152 в преддверии летних сражений. Петров успел первым со своей пушкой Д-5. Пока его орудие устанавливают на средние самоходки Су-85 и танки КВ-85. Кроме того, уже полным ходом идут испытания ИСов, минуя единицу и двойку, собираются запускать ИС-3 из нашей реальности, и здесь он будет называться ИС-1. Я только показал Котину и Духову статью из журнала «Моделист-конструктор», как он загорелся идеей именно с него и начать. Там есть, конечно, кое-какие чертежи и описание, остальное сам додумает, главное, компоновка ему понравилась. Так что к зиме первые ИСы появятся в бронетанковых войсках. На подходе грабинская 85-миллиметровая пушка, ее будут устанавливать на Т-34 в новую башню, уже закупили станки для расточки башенных погонов. Морозову и Кучеренко приглянулся их же танк Т-54. Похоже, его мы сможем увидеть в будущем году, а может, и раньше. Шавырин изготовил 82- и 107-миллиметровые безоткатные орудия. Первые образцы таких орудий и новые модернизированные минометы 82- и 120-миллиметровые, которые предназначались для действий на Северном фронте, поступили в войска. Как показали боевые действия, они оказались незаменимыми в этой труднодоступной местности, где с обычными орудийными системами было очень трудно передвигаться из-за их немалого веса. Ну, пожалуй, разве только сорокапятка да полковушка (76-миллиметровая), установленная на его лафете. Вот они, с их более приемлемым весом, могли перемещаться по сопкам и камням, с помощью пердящего пара советской пехоты. Шавырин начал испытания своего нового 160-миллиметрового миномета. По стрелковому оружию – пока решили в этом году производство не лихорадить изготовлением новых образцов. Так что будут по-прежнему изготавливать ППШ и ППС и разве что небольшую партию карабинов СКС. Для спецподразделений НКВД малыми партиями копируют СВД и винторез, а также автомат ВАЛ, пистолеты АПС и АПБ. Скопировали и запустили в производство пулемет ПКМ. А для вооружения армии через год начнут осваивать автомат АК. Помимо этого в данный момент начали выпускать крупнокалиберный пулемет Владимирова, он идет в войска и для вооружения самоходных зенитных установок на базе Т-70. Эта же зенитная самоходка выпускается и с 37-миллиметровой пушкой. Кроме того, пулемет Владимирова приспособили для установки на малые корабли и катера, для них они выпускаются спаренными.

Гранатометы уже прошли войсковые испытания, они хорошо зарекомендовали себя при штурмах укреплений, особенно здесь на севере. Принцип тот же, что и у РПГ. Ну, ничего, что у него и дальность поменьше, и бронепробиваемость пока похуже, но зато не надо под танк с гранатой бросаться или к доту подползать – набравшись опыта, можно и фугасной гранатой в амбразуру попасть. Это продемонстрировали в боях гвардейцы Большакова. Командир, а ты слышал, как они еще до начала наступления отличились? Умудрились угнать катер у немцев. А в начале операции, совместно с ребятами из 181-го разведотряда, захватили две береговые батареи, прикрывающие порт. Но там вы подсобили, вдарив «Гранитом». Головка, как и обе-

щал, представил его к Герою и остальных – к высоким правительственным наградам, включая ребят из 181-го разведотряда. Гаврилов-то наш не так давно получил Героя. Теперь уже капитан третьего ранга, вся грудь в орденах, три раза со своей группой забрасывался за линию фронта. Навели они шороху в тылу. В одном из рейдов, разгромив штаб пехотной дивизии, притащили генерала со всеми его оперативными планами, картами и приказами по войскам. До этого обезглавили танковый полк, притащив оберста. А сколько диверсий устроили в тылу врага и, что главное, ни одного человека из своей группы не потеряли. Раненые были, и даже тяжелые, а потерь нет. Я, знаешь, смотрю, мой телохранитель как-то сник, после того как он встретился в приемной Берии с Гавриловым да еще и поговорил. И понял: ему тоже хочется настоящего дела. Пострелять, кому-то голову свернуть, что-то взорвать. Он уже намекал мне на тамошних ребят, которых натаскивал в наркомате, что они не хуже его справятся с этой работой. Я вот подумываю отпустить его, только как на это Лаврентий Палыч посмотрит.

– Думаю, пока не стоит отпускать Смоленцева, время еще не пришло. А повоевать он всегда успеет.

Так поговорили еще около часа, перетерев косточки некоторым партийным деятелям, которые засветились после смерти Сталина не с лучшей стороны и о которых он уже все знает, но решил пока никого не трогать до окончания войны или дожидаться, когда они совершат какую-либо оплошность.

Мы прибыли к мысу Нордкап и стали ждать прибытия подводных лодок. Лунин был уже на месте, в десяти милях западнее находилась Л-20. Еще западнее находились К-3 и С-55, у которых осталось по половине боекомплекта, да им уже пора на базу, но их задержали в море еще на несколько дней, пока не будет высажен десант на Варангер. Остальные лодки находились на переходе, который может затянуться на сутки из-за противодействия авиации противника. Они сейчас как раз перебрасывают несколько дополнительных эскадрилий на полуостров Варангер, который собираются защищать. Поэтому их разведывательные самолеты висят над морем в ожидании нашего десанта.

– Командир, что-то непонятное происходит в эфире, – обратился Ухов со своими сомнениями.

– Что тебя ввело в непонятки, Леонид, ведь ты у нас профессор по всяким ребусам.

– Да сейчас где-то в районе Балтики, датских проливов и в прибрежных водах Германии идет интенсивный поток радиобмена. Сотни полторы или больше радиостанций работает одновременно, а тут как вымерли, даже береговые за редким исключением работают. Явно что-то грандиозное назревает. Не зря они там так активизировались, забивают нас ненужной информацией. Пока мы с ней тут будем разбираться, они что-то предпримут против наших наступающих войск.

– Я понял тебя, Леня, ты предполагаешь, что вся эта шумиха в эфире что-то маскирует. Продолжай слушать, если будет что-то новенькое, доложишь.

– Командир, сам-то что думаешь по поводу этой тишины? – поинтересовался Виноградов.

– Я, товарищ адмирал, думаю, скоро немцы вышлют свои корабли в море, возможно, и уже выслали. А если так, значит, они скоро появятся на наших экранах. Надо поторопить остальные подлодки, быстрее выдвигаться в точку сбора.

– Передать приказ на Щ-403, С-56, С-101 и С-102, чтобы увеличили скорость на переходе, – распорядился Виноградов.

Наконец все заняли свои позиции, проинструктировали, поставив всем боевую задачу. Для всех были определены позиции, которые без приказа не покидать, чтобы случайно не попасть под огонь своих.

Ночью пришла радиограмма из штаба флота о том, что началась высадка десанта на побережье Варангера.

– Немцы опоздали со своим подкреплением, наши уже высаживаются на полуостров, – обрадовался Виноградов.

– Товарищ адмирал, полуостров большой, и фашистов там немало, сколько туда из-под Киркенеса переправилось. Пока мы его освободим, немцы могут за это время перебросить подкрепления.

– Товарищ командир, операторы зафиксировали многочисленные шумы с запада, – доложил Пономарёв.

– Ну вот, Михаил Петрович, накаркал.

– Дальность до источника шума? – спрашиваю у Пономарёва.

– Семьдесят миль.

– Ну вот, товарищ адмирал, часов восемь – десять у нас есть до их встречи. Да от нас до полуострова еще три-четыре часа хода. Если прорвутся, то на месте будут после четырнадцати.

– Будем тут ждать или продвинемся навстречу и посмотрим, что там такое? Или попросим штаб флота выслать авиаразведку?

– Мы подождем на месте, пусть авиация поглядит. Радиограмму в штаб флота. «Прошу выслать авиаразведку за мыс Нордкап в квадрат... обнаружить и определить состав конвоя противника».

На рассвете следующего дня вначале операторы РЛС обнаружили две воздушные цели, которые направлялись на запад. Это была наша воздушная разведка, направляющаяся к конвою, который успел за это время приблизиться еще на тридцать миль.

Потом поступил доклад от оператора ГАС:

– Товарищ командир, обнаружен еще один конвой на удалении тридцати пяти миль от первого, и, судя по шумам, там находятся довольно крупные суда под охраной боевых кораблей. – И еще через несколько секунд он продолжил: – Товарищ командир, там, прикрываясь шумами впереди идущих транспортов, присутствуют шумы больших боевых кораблей.

Через полчаса из переговоров экипажей самолетов мы узнали, что к Варангеру движется большой конвой под охраной эскортных кораблей. Мы связались с авиаторами на волне штаба флота, послали их к вновь обнаруженному конвою, проверить, что за корабли идут там.

О первом конвое мы знали почти все. Чего тут только не было! Немцы собрали все подходящие суда или просто что было под рукой, чтобы тотчас загрузить и быстро отправить на север. В первой волне шли корабли малого водоизмещения, где-то от 1000 до 2000 тонн под охраной двух десятков подобной мелочи, хотя и больно кусачей. Немцы специально выслали его впереди, чтобы наши подлодки клюнули и расстреляли весь свой боекомплект и сами попали под удар конвойных сил.

30 апреля на подходе к Альт-фьорду немцы уже потеряли четыре крупных судна и два корабля охранения. Одно их тогда утешило, что им удалось потопить одну подлодку – это была Щ-422 капитана третьего ранга Видяева. Он в последнем бою потопил корабль ПЛЮ и добил большой транспорт, поврежденный С-51. Обозленные немцы устроили за подлодками охоту, и больше всего не повезло Щ-422. Да, от судьбы не уйдешь: что в нашей реальности он погиб, что здесь. Только здесь на его счету больше реальных и весомых побед, за что и получил Героя, но посмертно.

Через полчаса пришло еще одно сообщение от наших летчиков о составе второго конвоя и кораблях прикрытия. Все это передавалось в большой спешке, так как нашим летчикам приходилось отбиваться от истребителей противника, прикрывавших основной конвой. Не успев перехватить еще на подлете к конвою, немцы решили уничтожить нашу авиаразведку во что

бы то ни стало и не дать ей собрать полные данные о составе конвоя. Но самолеты Ту-2 могли постоять за себя, у них и хорошая скорость, и мощное оборонительное вооружение.

«Сбылась мечта идиота», – радовался я, когда узнал, что в конвое более десятка крупных транспортов и куча всякой мелочи, все это прикрывает самая мощная эскадра немцев, когда-либо выходившая в северные широты. Дёниц под истерические вопли Гитлера выгнал все корабли на помощь сухопутным войскам генерала Дитля, чтобы совместно с прибывающими подкреплениями, которые срочно вместо юга России отправили на север, и при поддержке флота отбить потерянные позиции.

– Передать на К-3 и С-55. Первый конвой не трогать, ждать второй, который идет с небольшим отставанием на три-четыре часа.

– Командир, это что получается, мы корабли первого конвоя пропускаем беспрепятственно, а атаковать будем только второй? Так на этом тоже немало фашистских войск. А если они дойдут до места? Нашим на полуострове и так трудно. Так еще эти высадутся. Сколько тогда прольется крови наших солдат, сколько жизней будет загублено.

– Григорьич, я понимаю тебя. Ну, успеют они высадиться на берег. Однако надо еще и суда разгрузить, а это время. А что, наша авиация будет бездействовать? Я думаю, что нет. Она уже сейчас готовится ударить по приближающемуся конвою. И должна его немного потрепать. А когда мы остановим основной конвой, а в особенности его прикрытие в лице двух линкоров, я уверен, фрицы не захотят долго оставаться на этом полуострове и заторопятся домой.

Как я не хотел, чтобы первый конвой был кем-то атакован, но он был атакован.

– Тащ капитан первого ранга, обнаружены шумы подводной лодки, почерк незнаком. Находится на пути конвоя рядом с К-3, – доложил оператор ГАКа.

– Почему до сих пор она не была обнаружена?

– Похоже, она лежала на грунте или пряталась за островом и только перед самым подходом конвоя дала о себе знать.

– Кто это, немка или англичанка?

– Я больше склоняюсь к англичанке, почерк немецких подлодок мы почти всех знаем, – ответил Пономарёв.

– Вот именно что почти всех, а если это что-то из первых серий, единичка или двойка, возможно, турчанка, голландка или даже француженка. У немцев были их лодки. Сан Саныч, что скажешь по этому поводу?

– Я знаю, что в той реальности эти подлодки немцы использовали только в качестве учебных.

– А не могли они после больших потерь своих подлодок какую-то из них послать сюда?

– Да, такую вероятность исключать не будем.

* * *

Капитан-лейтенант Малафеев получил сообщение о конвое и приказ его не трогать, а пропустить.

Теперь он висит на перископной глубине, наблюдая, как из-за горизонта показался лес мачт. Позиция идеальная, если бы не этот приказ, он мог парочку точно отправить на дно, так как через некоторое время будет точно в центре этого конвоя. Заметив круживший над конвоем самолет, погрузился глубже. Через полчаса над головой прогрехотали винты противолодочного корабля. Акустик подлодки К-3 вслушивался в шумы, которые начали окружать подлодку со всех сторон, и вдруг раздался взрыв, потом второй. Что это такое, нам приказали пропустить конвой, а это кто тогда? С-55 восточнее нас, и она не могла выйти в атаку. Снова раздалась взрывы, но уже глубинных бомб. Немцы кого-то преследовали, вот только кого. Малафеев решил на пару секунд высунуть перископ и глянуть, что творится наверху.

А после того как глянул в перископ, то не поверил своим глазам: он находился посреди конвоя, а прямо под его торпеды подходил транспорт, а в его створе находился еще один, а там дальше два противолодочных корабля на траверзе. Можно одним залпом поразить два судна, а если повезет, то и три. Он обвел перископ по горизонту.

– Вот бя...! – воскликнул Малафеев, увидев, что и за его кормой проходит судно.

А кабельтовых в тридцати два охотника, идя параллельным курсом, кого-то бомбили. Еще он увидел, как, задрав нос, под воду погружался транспорт.

– Торпедная атака, – не выдержав, скомандовал Малафеев. – Торпедные аппараты с первого по шестой. Товсь.

Потом последовала команда «пли», и с пятисекундной задержкой торпеды вырвались из аппарата. Нос, освобожденный от торпед, устремился к поверхности, вода еще не успела возместить потерю такого груза. Все попытки удержать подлодку на глубине не увенчались успехом, лодка показала свой нос над водой. Тут же к ней устремились два корабля, стреляя из всего, что находилось на борту. Так как подлодка находилась внутри конвоя, это ее и спасло, сразу противолодочники не смогли приблизиться к ней, помешали собственные транспорты. Три из шести торпед не прошли мимо цели, две попали в транспорт, который тут же затонул, и еще одна – в другое судно, которое сейчас дрейфовало без хода. Малафеев поднырнул под проходящий транспорт и попробовал отсидеться под ним, полагаясь только на своего акустика. Но вскоре транспорт по приказу начальника конвоя резко свернул в сторону, лодка не успела среагировать на поворот судна, продолжая двигаться прежним курсом. Сверху посыпались бомбы, пока далеко за кормой, но постепенно приближаясь.

– Ныряем на восемьдесят, право руля. – Малафеев попытался укрыться под другой колонной судов. Но потом резко изменил свое намерение: – Остановить все механизмы, тишина в отсеках.

Думая, что подлодка уходит под следующую колонну, стремясь ее отрезать и не допустить, чтобы подлодка опять спряталась под каким-либо транспортом, преследователи проскочили вперед. Но наверху вновь загрохотали взрывы, и не только рядом с лодкой, но и гораздо дальше, и во многих местах сразу. Нет, это не корабли эскорта гонялись за подлодками, это наша авиация наносила торпедно-бомбовый удар по конвою. Малафеев решил, пока кораблям не до него, выйти за периметр охранения и стал медленно уходить в сторону берега, где меньше всего его будут искать. Выйдя за внешнее кольцо охранения, он снова всплыл под перископ, чтобы глянуть, что происходит наверху. В паре миль от подлодки проходили отставшие от конвоя суда. Они шли не ровным строем, а какой-то гурьбой, обгоняя осевший носом, но еще державшийся на плаву транспорт, рядом с которым находился противолодочный корабль.

– Может быть, истратим последние торпеды на этого подранка и на того, что стоит у него под бортом. Приказ мы уже нарушили, так что ответ держать все равно придется. Мы и так уже две недели в море, давно пора возвращаться, все сроки вышли. Торпедная атака.

Малафеев решил произвести двухторпедный залп, чтобы потопить обе цели. Позиция как на полигоне, даже лучше, цели стояли неподвижно. Так как для носовых башен торпед уже не было, то подходили кормой. Чтобы было наверняка, сблизилась на пять-шесть кабельтовых. Но случилось непредвиденное: обе торпеды не попали в цель. Одна, вильнув, пошла влево, другая шла точно на цель, но взрыва не последовало, но и удара о корпус акустик также не слышал. Или утонула, или прошла под килем обоих кораблей. Малафеев увидел, что противолодочный корабль дал ход, отходя от транспорта. Значит, с охотника все же заметили торпеды или воздушный пузырь при выстреле, так как расстояние было минимальное. Надо или нырять глубже, или срочно попробовать выпустить наудачу последнюю пару торпед, чтобы заставить корабль отвернуть и этим выиграть какое-то время для своего спасения.

– Торпедная атака. Товсь! Пуск. Ныряем на семьдесят метров, право руля.

Тут же раздался взрыв торпеды.

Первая мысль – попали. Вторая – куда?

Надо было спасать свою шкуру и шкуру экипажа, ни о какой попытке глянуть, куда попала торпеда, и мысли не было. Но тут все опасения развеял акустик. Торпеда попала именно в противолодочник. И теперь он погружался носом рядом с транспортом. По достижении пятидесятиметровой глубины раздался мощный подводный взрыв, который даже на таком расстоянии встряхнул подлодку. Это детонировали глубинные бомбы на корме противолодочного корабля. Отойдя на милю, Малафеев все же решил посмотреть, что произошло с транспортом. Он тоже агонизировал, ему оставалось мало времени, чтобы продержаться на поверхности. Детонация глубинных бомб не прошла для него бесследно.

– Ну, вот и все, теперь можем возвращаться на базу, торпеды израсходовали полностью, продовольствия кот наплакал после почти месяца в море. На нашем счету три транспорта и два противолодочных корабля.

– Товарищ командир, шумы винтов двадцать справа, подводная лодка, похоже, идет параллельным курсом, как и мы, к берегу.

– Это, наверное, та, что потопила транспорт, – предположил старпом.

– Надо узнать, кто еще кроме нас не выполнил приказ конвой не трогать, надо держаться друг за друга, когда адмирал начнет пропесочивать за нарушение приказа, – предложил Малафеев.

– Не похоже, что это кто-то из наших, все они остались восточнее. Должно быть, англичане забрались в нашу зону, но так можно и друг друга утопить.

Из сообщений от К-3 и наших авиаторов мы узнали, что конвой потерял пять транспортов и два корабля охранения, еще один транспорт числится за неизвестной подводной лодкой. Сама К-3, израсходовав весь боезапас, возвращается на базу.

Мы остались ждать противника, который скоро должен подойти. Вскоре на западе показался дым, а через некоторое время из-за горизонта стали выступать мачты. В конвое еще оставалось шесть транспортов и полтора десятка конвоиров. Но мы не станем их трогать, пропустим дальше, пусть им занимается авиация. На подходе тот, кого мы так ждем. Они уже догоняют впереди идущий конвой и должны через пару часов выйти на нас.

В основном конвое под охраной двух миноносцев «тип 1938», четырех тральщиков восьмисоттонников, такого же количества шнелльботов и пары дюжин бывших рыбаков, ныне охотников за подлодками, одиннадцать транспортов водоизмещением от пяти до двенадцати тысяч. Севернее в пятнадцати милях шел отряд прикрытия, он же ударный отряд для перехвата мистического русского конвоя.

– Товарищ адмирал, предлагаю подлодкам С-55, Щ-403 и Л-20 заняться конвоем. А всем остальным отойти севернее и расположиться на пути эскадры.

– Это твоя операция, ты и командуй.

– Передать все данные о конвое на С-55, ему первому начинать. Предупредите, что над конвоем висят два стервятника. Ну, капитан-лейтенант Сушкин, удачной охоты тебе.

Следующая должна выходить в атаку Л-20, ей также передали все данные о конвое. Шуйского с Щ-403 предупредили, что после атаки двух первых подлодок конвой может изменить курс и скорость и ему самому придется выбирать позицию для перехвата конвоя. Если мы сможем, обязательно подкорректируем его место, чтобы он точно вышел на противника.

Остальные подлодки я увел севернее на перехват немецкой эскадры.

Глава 4

Разгром эскадры

Стоим на предполагаемом пути. Все предупреждены, первым в атаку выхожу я, после моего залпа выходят остальные и добивают подранков. У Лунина почетная миссия – добить и по возможности заснять момент попадания торпед в корабль, кадры будут незабываемые, они облетят весь мир.

Операторы ГАКа отслеживают курс и скорость кораблей противника. Корабли идут противолодочным зигзагом, часто меняют курс и скорость, но меньше двадцати узлов не сбрасывают. Сверху их также прикрывают самолеты, проверяя, есть ли по курсу эскадры препятствие, в виде подводных лодок. Не все шумы операторы смогли идентифицировать. Да, на эсминцы у нас почерки в базе данных есть, а вот на крупные корабли, извините, еще их не встречали в открытом море. Но и так стало понятно, акустики и без этого смогли определить, где кто из крупных кораблей примерно находится. Впереди два эсминца типа «Нарвик». Им первым вступать в бой, с их мощной артиллерией, если вдруг они встретятся с кораблями противника. Следом шел крейсер, а вот за ним два линкора, кто есть кто, мы должны поглядеть. Если вспомнить, как шли «Бисмарк» и «Принц Ойген» в свой прорыв в Атлантику, то можно предположить, что, возможно, и тут будет аналогично. Первым идет «Шарнхорст», за ним «Тирпиц», так как дальше прослушиваются шумы винтов еще одного крупного корабля – но не линкора. Это, должно быть, «Хиппер» идет в авангарде, а на траверзе с обоих бортов всю эту эскадру прикрывает четверка эсминцев и дюжина шнельботов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.